
Ам Эмберг
НАСЛЕДИЕ АРХИТЕКТОРОВ
За пределами вечности
Книга 2

Ам Эмберг

Наследие архитекторов

«Автор»
2026

Эмберг А.

Наследие архитекторов / А. Эмберг — «Автор», 2026

Человечество обрело новый дом. Но древние тайны Вселенной ещё не раскрытыПрошло шесть месяцев с тех пор, как выжившие жители Земли начали новую жизнь в системе Элион. Первые поселения растут, люди строят дома и постепенно обретают надежду на будущее.Но спокойствие оказывается недолгим. В космосе появляется загадочный флот из девяти кораблей.
Его пассажиры — потомки людей, чья история скрывает невероятные открытия.Тем временем древние механизмы Архитекторов начинают пробуждаться. Шесть миров оказываются связаны таинственной сетью,
а за её пределами скрывается опасность, способная изменить судьбу человечества.Александру Воронцову и его товарищам предстоит раскрыть тайну исчезнувшей цивилизации и сделать выбор, от которого зависит будущее тысяч людей.**«Наследие Архитекторов»** — вторая книга научно-фантастической трилогии «За пределами вечности». Космические приключения, древние технологии, неожиданные открытия и борьба за новый дом.

© Эмберг А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шесть месяцев спустя 5
Глава 2. Сигнал из глубины 13
Глава 3. Экспедиция на второй мир 25
Глава 4. Машина без хозяина 31
Глава 5. Неожиданные гости 38
Глава 6. Шестая печать 46
Глава 7. Мир вечных бурь 52
Глава 8. Под ледяным океаном 60
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Ам Эмберг
Наследие архитекторов

Глава 1. Шесть месяцев спустя

Первый за долгие недели сильный дождь начался в четыре часа семнадцать минут.

Он пришёл с запада, со стороны тёмных гор, которые колонисты ещё не успели исследовать. Сначала над равниной поднялся ветер, затем небо затянулось низкими серыми облаками, и наконец на прозрачные крыши поселения упали первые тяжёлые капли.

Александр Воронцов проснулся от непривычного звука.

Несколько секунд он лежал неподвижно, прислушиваясь. За стеной негромко гудела система вентиляции. Где-то в жилом модуле щёлкнуло реле. А снаружи раздавался ровный, почти забытый шум.

Дождь.

На Земле он любил просыпаться под дождь: вода стучала по подоконнику, во дворе шумели деревья, а ремонт неисправного крана на кухне можно было отложить до вечера. На третьей планете системы Элион такая беспечность обошлась бы слишком дорого.

Он поднялся, подошёл к окну и раздвинул защитные жалюзи.

За стеклом лежал Новый берег.

Шесть месяцев назад на этом месте не было ничего, кроме каменистой равнины, низкорослой серебристой растительности и небольшой реки, которую первые исследователи назвали Светлой. Теперь вдоль берега тянулись жилые модули, мастерские, склады и тепличные комплексы. Над ними возвышалась сорокаметровая мачта связи, а дальше, на холме, белели купола исследовательской станции.

У самой реки стоял недостроенный мост.

Александр поморщился.

Вчера строители обещали закончить монтаж опор до наступления темноты. Сегодня половина техники была укрыта брезентом, а над опалубкой блестела вода.

— Доброе утро, — произнёс знакомый голос.

— Для кого как, АРГО.

— Метеорологический прогноз подтвердился с точностью до девяноста двух процентов.

— Поздравляю.

— Благодарю. Однако, судя по вашей интонации, вы недовольны.

— Я недоволен тем, что у нас мост без крыши, три незаконченных ангара и единственный исправный тяжёлый погрузчик стоит посреди грязи.

— Погрузчик находится на бетонной площадке.

— АРГО, ты когда-нибудь слышал выражение «не придирайся к словам»?

— Неоднократно. Чаще всего от вас.

Александр усмехнулся.

За его спиной послышалось движение.

— Ты опять разговариваешь с кораблём раньше, чем со мной?

Елена Миронова стояла в дверях спальни, накинув на плечи серую куртку. Волосы были собраны кое-как, и несколько прядей падали ей на лицо.

— Не с кораблём, а с искусственным интеллектом, — поправил Александр.

— Существенная разница.

— Огромная. Корабль хотя бы иногда молчит.

— Я могу отключить голосовое сопровождение, — предложил АРГО.

— Не надо, — одновременно ответили оба.

Елена рассмеялась.

Она подошла к окну и некоторое время смотрела на дождь.

— Красиво, — сказала она.

— Мост затопит.

— Александр, ты можешь хотя бы одну минуту посмотреть на этот мир не как инженер?

Он обнял её за плечи.

— Могу. Но потом всё равно придётся чинить мост.

— Согласна. Только сначала позавтракаем.

На небольшом столе стояли две чашки горячего напитка, который колонисты по привычке называли кофе. Настоящие кофейные деревья пока росли только в экспериментальной оранжерее, и до первого урожая оставалось не меньше года.

Напиток из растительного сырья с ароматическими добавками был вполне сносным — если не вспоминать вкус настоящего кофе.

— У меня сегодня заседание биологической комиссии, — сказала Елена, садясь за стол. — Потом проверка новых теплиц.

— Опять проблемы?

— Не совсем. Вчера мы получили результаты анализа местной почвы. Некоторые минеральные соединения можно использовать в питательных смесях, но сначала придётся удалить нежелательные примеси.

— Значит, теплицы можно будет расширить?

— Возможно. Если не выяснится, что мы выращиваем овощи на веществе, которое через полгода превратит их в светящиеся грибы.

— Светящиеся овощи экономят электричество.

— Очень смешно.

Она сделала глоток и вдруг посерьёзнела.

— Александр, ты видел вчерашний отчёт по запасам?

— Видел.

— И?

— Нам нужно быстрее запускать местное производство.

— Это я понимаю. Я спрашиваю, насколько всё плохо.

Он отставил чашку.

— Если продолжим расходовать материалы нынешними темпами, через восемнадцать месяцев начнём разбирать резервное оборудование «Одиссея».

Елена молчала.

— Но это не значит, что через восемнадцать месяцев мы останемся без всего, — добавил он. — Просто придётся выбирать между строительством и ремонтом.

— А выбирать будут люди, которые вчера спорили три часа о цвете нового административного купола?

— Они остановились на белом.

— Какое счастье.

Александр улыбнулся, но улыбка быстро исчезла.

На орбите планеты, за облаками, находился «Одиссей» — огромный корабль, который четыреста восемьдесят семь лет нёс уцелевших землян через межгалактическую пустоту.

Теперь он был одновременно космической станцией, заводом, госпиталем и главным резервным хранилищем колонии.

Без него Новый берег пока не мог существовать.

И это беспокоило Александра сильнее, чем он хотел показывать.

Он раскрыл планшет, проверяя ночную сводку. Два насоса водоочистки работали с повышенной нагрузкой; третий стоял в ремонте. Из орбитального резерва просили выдать новые мембраны, но склад уже зарезервировал их для медицинского блока.

— Ты снова считаешь детали? — спросила Елена.

— Если откажет второй насос, придётся ограничить воду в теплицах.

— А если ограничим воду в теплицах, через месяц получим пустые лотки. Я знаю. Поэтому сегодня комиссия предложит пустить в дело старые фильтры из жилых отсеков.

— Они не рассчитаны на местную микрофлору.

— Мы не собираемся подавать эту воду прямо в стаканы. Поставим дополнительный контур обеззараживания и будем проверять каждую партию.

Александр посмотрел на неё поверх планшета.

— Ты уже обсудила это с инженерами?

— С двумя. Третий сказал, что ты всё равно найдёшь возражение.

— Он хорошо меня знает.

— Тогда приходи на заседание и возражай там. Только с расчётами.

Он закрыл планшет. В этом и заключалась новая жизнь: не в торжественных речах о будущем человечества, а в том, что каждый лишний фильтр требовал согласия трёх служб. На Земле подобные споры раздражали его. Здесь они означали, что люди намерены прожить достаточно долго, чтобы успеть поссориться ещё не раз.

* * *

К девяти часам дождь прекратился.

Ветер разогнал облака, и над поселением показалось бледно-золотое солнце Элиона. Воздух был прохладным, насыщенным влагой и непривычным запахом местных растений.

Александр шёл по центральной дороге, обходя лужи.

Мимо проехал небольшой электрический тягач с контейнером строительных деталей. За рулём сидел парень лет двадцати на вид. Он родился ещё на Земле и провёл в криосне почти пять столетий. По календарю ему было под пятьсот, хотя выглядел он едва ли на двадцать.

— Александр Сергеевич! — крикнул он. — Мост сегодня будем заканчивать?

— Если погода позволит.

— А если нет?

— Тогда будем заканчивать завтра.

— Понятно!

Тягач покатил дальше.

Александр проводил его взглядом. Удивительно, как быстро люди привыкали к новому миру. Ещё недавно каждый выход за пределы жилого сектора требовал разрешения службы безопасности. Теперь молодёжь спорила, где лучше строить спортивную площадку и стоит ли открывать вторую столовую.

Возле инженерного ангара его ждал Алексей Руденко.

Геолог стоял у раскрытого контейнера, держа в руках кусок тёмного камня.

— Наконец-то, — сказал он. — Я уже думал, ты решил взять выходной.

— Что случилось?

— Нашли кое-что интересное.

— Если это опять местный базальт с необычной примесью железа, я тебя убью.

— Тогда тебе придётся искать другого геолога.

Руденко протянул образец.

Камень был почти чёрным, с тонкими серебристыми прожилками.

— Где взяли?

— В сорока километрах к северу. Разведывательная группа прокладывала маршрут для новой линии связи.

— И что в нём необычного?

— Посмотри на срез.

Александр повернул образец к свету.

Серебристые прожилки образовывали почти правильные параллельные линии.

— Кристаллическая структура?

— Я тоже так подумал. Пока не измерил расстояние между слоями.

— И?

— На исследованных участках разброс меньше микрона. Для природного образца подозрительно ровно.

Александр нахмурился.

— Природа умеет создавать правильные структуры.

— Конечно. Но природа редко укладывает их в шестьдесят четыре слоя с одинаковой толщиной и вставляет между ними материал, которого нет в окружающей породе.

— Ты уверен?

— Вот поэтому я тебя и позвал.

Руденко положил камень на стол.

— И ещё кое-что. Нашли его не в скале. Он лежал под двумя метрами осадочных пород.

— Сколько ему лет?

— По предварительной оценке, верхним слоям десятки тысяч лет. Но методы датировки местных отложений ещё не откалиброваны. Возраст самого образца мы пока определить не можем.

Александр ещё раз посмотрел на серебристые линии.

— Отправь его Софии. Пусть проведёт полный анализ.

— Уже отправил.

— Тогда зачем звал меня?

Руденко улыбнулся.

— Потому что София сказала ровно то же самое. А ещё велела не распиливать вторую половину, пока сама не увидит.

* * *

В одиннадцать часов на связь вышел капитан Виктор Громов.

Его лицо появилось на настенном экране инженерного ангара. За спиной капитана виднелся командный отсек «Одиссея».

— Александр, у вас есть возможность подняться на орбиту?

— Сегодня?

— Желательно в течение двух часов.

— Что произошло?

Громов помедлил.

— АРГО обнаружил изменения в активности древних сооружений.

— На третьей планете?

— Не только. И я не уверен, что это отдельные события.

Александр выпрямился.

— Насколько серьёзные?

— Пока не знаем. София уже работает с данными. Мне нужно, чтобы вы посмотрели результаты лично.

— Хорошо. Буду через два часа.

— И ещё, Александр.

— Слушаю.

— Постарайтесь никому не рассказывать об этом до заседания Совета.

— Почему?

— Потому что у нас и без того хватает людей, уверенных, что древние машины вот-вот взорвут планету. Сначала проверим измерения, потом будем тревожить колонию.

Связь оборвалась.

Руденко, стоявший рядом, выразительно поднял брови.

— Значит, что-то серьёзное.

— Возможно.

— И ты, конечно, не расскажешь мне, что именно?

— Я сам пока ничего не знаю.

— Очень удобно.

Александр взял со стола планшет.

— Ты лучше займись образцом. И проверь координаты находки.

— Зачем?

— Хочу знать, насколько далеко он лежал от ближайших древних сооружений.

Руденко перестал улыбаться.

— Думаешь, есть связь?

— Пока думаю только о том, что совпадения у нас стали происходить слишком часто.

* * *

Через полтора часа небольшой транспортный челнок поднялся над Новым берегом.

За штурвалом сидел Дмитрий Соколов.

— Пристегнись, — сказал он, не оборачиваясь. — Сегодня нас немного потрясёт.

— Атмосферные потоки?

— Нет. Решил проверить, насколько крепко ты держишься за подлокотники.

Александр посмотрел на него.

— Дима.

— Ладно, ладно. Атмосферные потоки.

Челнок прошёл сквозь верхний слой облаков. Под ним раскинулся огромный материк, ещё почти не нанесённый на карты. Серебристые леса сменялись каменными пустошами, горные цепи тянулись к горизонту, а на западе блестел океан.

Александр невольно задержал взгляд на планете.

Шесть месяцев назад этот мир был для них неизвестной точкой на навигационном экране.

Теперь там жили люди.

Строили дома, выращивали растения, ссорились, влюблялись, рожали детей.

Пытались начать всё заново.

— Красиво, правда? — спросил Дмитрий.

— Да.

— А я всё ещё не привык.

— К чему?

— К тому, что можно спуститься вниз и просто выйти из корабля. Без скафандра, без шлюза. Вдохнуть воздух.

— После почти пятисот лет путешествия это неудивительно.

— Четыреста восемьдесят семь, — уточнил Дмитрий.

— Не округляй. Я каждый год помню.

— Ты их проспал.

— Тем более обидно.

Впереди показался «Одиссей».

На фоне планеты корабль казался тёмным металлическим островом. Его длинный корпус был окружён кольцами технических модулей, стыковочными фермами и небольшими обслуживающими аппаратами.

Когда-то «Одиссей» был вершиной земной инженерной мысли.

Теперь Александр видел на его обшивке следы времени.

Потемневшие секции, заменённые панели, временные усиления.

Корабль старел.

Как и всё, что люди привезли с собой.

* * *

В центральном командном отсеке собрались капитан Громов, София Лебедева и двое специалистов навигационной службы.

На главном экране вращалась объёмная модель системы Элион.

Шесть планет двигались по рассчитанным орбитам. Рядом с каждой светилась небольшая красная отметка.

— Что это? — спросил Александр.

София повернулась к нему.

— Объекты, которые мы связываем с древней сетью.

— На всех шести планетах?

— Да. Но раньше мы считали, что они не взаимодействуют друг с другом.

— А теперь?

Вместо ответа София включила запись.

На экране возникли шесть тонких линий, соединявших красные отметки. Они вспыхивали одна за другой с интервалом в несколько секунд.

— Это произошло вчера в двадцать три часа сорок одну минуту, — сказала она. — Сначала активировался комплекс на шестой планете. Затем на пятой. Потом на четвёртой.

— И так до первой?

— Именно.

Александр подошёл ближе.

— Энергетический обмен?

— Мы не обнаружили излучения, которое могло бы передавать такую мощность между планетами. Но изменение параметров происходило согласованно.

— Значит, либо существует неизвестный нам канал связи, либо все комплексы получили одну команду.

— Есть ещё третья возможность, — заметил Громов.

Александр повернулся.

— Какая?

— Кто-то управляет ими прямо сейчас.

На несколько секунд в отсеке стало тихо.

— АРГО, — произнёс Александр, — ты обнаружил источник команды?

— Нет. Однако выявлена дополнительная закономерность.

— Какая?

— Отношения временных интервалов между активациями совпадают с последовательностью, обнаруженной в одном из архивов Хранителей. Погрешность сопоставления — в пределах точности наших часов.

София резко подняла голову.

— Почему ты раньше не сообщил?

— Полная проверка совпадения завершена семь секунд назад. До этого сходство не превышало порога достоверности.

— Покажи.

На экране появились строки древних символов. Рядом АРГО вывел математическую последовательность.

Александр внимательно изучил её.

— Это не сообщение, — сказал он наконец.

— Почему ты так решил? — спросила София.

— Посмотрите на последние значения. Они не продолжают последовательность. Они задают новый порядок.

София быстро провела пальцами по панели.

Красные отметки на карте переместились. Линии между планетами сложились в новую фигуру.

Шесть лучей сходились в одной точке.

Но эта точка находилась далеко за пределами планетных орбит.

— Что там? — тихо спросил Громов.

— Согласно нашим картам, ничего, — ответила София.

— А согласно расчётам? — спросил Александр.

АРГО ответил не сразу.

— При повторной обработке навигационных данных выявлена слабая невязка в траекториях зондов. Её источник пока неизвестен. Прежде мы относили её к инструментальной погрешности.

— Размер объекта?

— Не установлен.

— Масса?

— Недостаточно данных.

— Может быть астероид?

— Маловероятно.

Громов медленно подошёл к экрану.

— Значит, на карте появилась седьмая точка, — сказал Громов. — И я очень надеюсь, что это не седьмая планета.

— Не обязательно объект, — возразил Александр. — Возможно, это координаты области, где что-то происходит.

— Координаты чего?

Ответа не последовало.

В этот момент на боковой панели вспыхнул жёлтый сигнал.

— Капитан, — произнёс АРГО, — зафиксировано изменение положения неизвестного флота.

Громов резко обернулся.

— Они приближаются?

— Да. Все девять крупных кораблей начали синхронное ускорение.

— Направление?

На экране появилась новая траектория.

Она не вела ни к «Одиссею», ни к третьей планете.

Девять кораблей двигались к той самой пустой области пространства, где сходились линии древней карты.

София первой нарушила молчание.

— Они знают, что там находится.

Александр смотрел на девять светящихся точек.

Полгода неизвестные корабли сохраняли дистанцию. Не атаковали, не пытались установить связь, не мешали исследовательским экспедициям.

И вот теперь, когда древние сооружения впервые проявили согласованную активность, флот пришёл в движение.

— Капитан, — сказал Александр, — думаю, нам стоит отправить туда разведчик.

Громов не ответил.

Он смотрел на экран, где траектории неизвестных кораблей выстраивались в одну линию.

— АРГО, — произнёс он наконец, — подготовь полный отчёт для Совета. И передай всем постам наблюдения: перейти на усиленный режим.

— Приказ принят.

Александр уже собирался выйти, когда искусственный интеллект заговорил снова:

— Капитан, поступила дополнительная информация.

— Какая ещё?

— Один из кораблей неизвестного флота передал направленный сигнал.

— Нам?

— Да.

— Содержание?

— Сообщение короткое. Его служебная оболочка соответствует одному из земных протоколов дальней связи.

Громов медленно повернулся к Софии.

— Земной?

— Подтверждаю, — ответил АРГО. — Протокол введён в эксплуатацию за сорок три года до катастрофы на Земле. Само по себе это не доказывает земного происхождения передатчика.

— Что в сообщении?

На экране появились всего четыре слова:

«Не приближайтесь к узлу».

Никто не произнёс ни слова.

За прозрачным куполом командного отсека медленно вращалась новая планета человечества.

А за пределами планетных орбит девять неизвестных кораблей направлялись туда, где, согласно картам «Одиссея», не существовало ничего.

Глава 2. Сигнал из глубины

Капитан Виктор Громов перечитал сообщение в третий раз.

«Не приближайтесь к узлу».

Четыре слова на языке Земли, которой больше не существовало. Четыре слова, способные перевернуть всё, что люди успели узнать за полгода пребывания в системе Элион.

— Повтори анализ протокола, — приказал он.

— Анализ завершён, капитан, — ответил АРГО. — Служебные поля почти полностью соответствуют земному протоколу. Однако это не позволяет установить происхождение передатчика.

— Меня интересует не вероятность, а происхождение.

— Система кодирования соответствует земному стандарту дальней космической связи, принятому за сорок три года до катастрофы.

— Такой стандарт могли воспроизвести?

— При наличии технической документации — безусловно.

Громов повернулся к Александру.

— Вот это мне уже нравится больше.

— Что именно?

— Что мы пока не обязаны верить в корабли с призраками наших предков.

София Лебедева, не отрываясь от терминала, заметила:

— Если они получили доступ к земным архивам, это не менее интересно. У нас самих сохранилось далеко не всё.

— Именно поэтому, — сказал капитан, — я хочу знать, откуда они взяли этот протокол.

Он подошёл к центральному столу с подсвеченной картой системы.

Девять кораблей неизвестного флота продолжали движение к области пространства за орбитой шестой планеты. Их ускорение оставалось небольшим, но постоянным. По крайней мере, признаков спешки не было.

— АРГО, сколько времени им потребуется до достижения указанной точки?

— При сохранении текущего режима движения — приблизительно девятнадцать часов.

— А нашему разведчику?

— Семнадцать часов при экономичном режиме. Одиннадцать — при максимальной допустимой нагрузке.

— Значит, можем оказаться там первыми, — сказал Александр.

— Можем, — согласился Громов. — Если израсходуем значительную часть топлива, предназначенного для обратного пути. Только зачем?

— Чтобы понять, что они собираются делать.

— Они только что предупредили нас не приближаться. Ты предлагаешь начать знакомство с того, что мы проигнорируем их первое сообщение?

— Я предлагаю не отдавать неизвестным кораблям право решать, куда нам летать.

— А я предлагаю не начинать войну из-за точки на карте, существование которой мы даже не доказали.

Александр хотел возразить, но сдержался.

Громов был прав по крайней мере в одном: неизвестный флот не проявлял агрессии. К тому же люди до сих пор ничего не знали о вооружении чужих кораблей.

— Тогда отправим автоматический зонд, — сказал он.

— Зонд они тоже заметят.

— Пусть замечают. Научные измерения не являются нападением.

Капитан посмотрел на Софию.

— Ваше мнение?

— Сначала нужно понять, что именно мы собираемся измерять.

— Прекрасно. Наконец-то разумный вопрос.

София увеличила изображение предполагаемого узла.

— АРГО обнаружил гравитационное отклонение. Но если там действительно находится массивный объект, его влияние должно проявляться в движении окружающих тел. Пока этого нет.

— Значит, объекта нет? — спросил Громов.

— Значит, мы неправильно сформулировали задачу.

Она вывела на экран две кривые.

— Посмотрите. Это результаты наблюдений за последние шесть месяцев. Отклонение то появляется, то исчезает. Меняется и положение предполагаемого источника.

Александр нахмурился.

— На сколько?

— На несколько миллионов километров, если считать по привычной модели неподвижного источника.

— При такой массе мы заметили бы движение.

— Если бы могли оценить его массу.

Громов потер переносицу.

— Хорошо. Предположим, это не астероид и не станция. Что тогда?

— Пока не знаю, — ответила София. — Но у меня есть предложение. Не будем посылать корабль туда, где ничего не понимаем. Для начала посмотрим, куда именно ведёт сигнал.

* * *

Через сорок минут они перешли в навигационную лабораторию.

Это помещение Александр помнил ещё со времён первого пробуждения. Здесь АРГО показывал расчёты межгалактического путешествия. Здесь люди впервые увидели шесть планет Элиона и принимали решения, которые теперь казались делами далёкого прошлого.

Тогда у них был один корабль, почти двенадцать тысяч выживших и неизвестная система впереди.

Теперь у них появился город на поверхности планеты.

Но загадок впереди меньше не стало.

София включила большой обзорный экран.

— Я сопоставила время активации шести комплексов с изменениями гравитационного поля, — начала она. — Сначала мне показалось, что это обычная последовательность команд. Но есть одна странность.

— Какая? — спросил Александр.

— Сигнал не распространяется от планеты к планете. По крайней мере, не так, как распространялись бы радиоволны или лазерные импульсы.

Она указала на временную шкалу.

— Комплекс на шестой планете активировался первым. Через три секунды — на пятой. Потом на четвёртой. Интервалы разные, но не соответствуют расстояниям между планетами.

— Внутренняя задержка оборудования?

— Возможно. Однако при повторном анализе я обнаружила другую закономерность.

София наложила на карту древнюю схему, полученную из архивов Хранителей.

Шесть отметок совпали с орбитами планет. Седьмая находилась за пределами системы.

— Если принять седьмую точку за центр, — продолжила она, — последовательность активаций оказывается не передачей сообщения, а проверкой готовности.

— К чему? — спросил Громов.

— К работе.

Александр придвинулся к экрану.

— Ты хочешь сказать, что кто-то проверяет всю сеть?

— Или сеть проверяет сама себя.

— После тысячелетий бездействия?

— Мы не знаем, сколько времени она бездействовала. Мы знаем только, что шесть месяцев назад не могли зарегистрировать подобных процессов.

Громов посмотрел на искусственный интеллект.

— АРГО, могла наша деятельность запустить эту проверку?

— Такая возможность существует.

— Насколько вероятно?

— Недостаточно информации для количественной оценки.

— Люблю твои точные ответы, — пробормотал капитан.

— Благодарю.

— Это не был комплимент.

— Я учту уточнение.

София неожиданно улыбнулась, но тут же вновь посерьёзнела.

— Есть ещё кое-что. Мы считали, что сигнал исходит из области седьмой точки. Однако направление меняется. За последние шесть часов источник последовательно совпадал с положениями трёх разных планет.

— Передатчик перемещается? — спросил Александр.

— Либо один и тот же сигнал появляется в разных местах.

— Ретрансляторы?

— Возможно. Но ни один из наших приборов не зафиксировал передачи между ними.

Громов скрестил руки на груди.

— И что это означает на обычном языке?

София выключила временную шкалу.

— Представьте шесть комнат, в каждой из которых стоит телефон. Мы слышим звонок сначала в одной, потом в другой. Но проводов между комнатами нет, а разговаривающего человека мы не видим.

— Беспроводная связь, — заметил капитан.

— Тогда мы должны были бы обнаружить хотя бы её физические проявления.

— Может, наши приборы недостаточно хороши?

— Вполне возможно, — спокойно согласилась София.

Громов удивлённо посмотрел на неё.

— Вы так легко это признаёте?

— Капитан, мы прилетели к сооружениям цивилизации, о которой ничего не знаем. Было бы странно предполагать, что все её технологии обязаны укладываться в возможности наших датчиков.

Александр провёл пальцем по краю стола.

— Значит, нам нужны новые измерения.

— Именно.

— И я знаю, где их получить.

* * *

Елена встретила известие о предстоящем полёте без особого восторга.

Они разговаривали по защищённому каналу. На экране за её спиной виднелась теплица, где техники проверяли систему подачи питательного раствора.

— На вторую планету? — уточнила она.

— Пока только разведка. Орбитальные измерения и, возможно, посадка.

— Ты сказал «возможно» так, будто уже всё решил.

— Решение примет капитан.

— А предложил, конечно, ты.

Александр не стал отрицать.

Елена вздохнула.

— Скажи хотя бы, почему нельзя отправить автоматический аппарат.

— Отправим. Но если он обнаружит древнюю станцию, нам потребуется экспедиция.

— Александр, мы ещё не закончили исследование сооружений здесь. У нас в лаборатории лежат образцы, которым никто не может дать объяснения. А ты уже собираешься на другую планету.

— Именно потому, что мы не можем их объяснить.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня сейчас есть.

Елена помолчала.

— Ты хоть понимаешь, что у нас происходит внизу? Вчера вышла из строя вторая линия очистки воды. Сегодня обнаружили неизвестный грибок в экспериментальном грунте. Завтра Совет будет решать, кому отдать последний комплект запасных насосов. А ты говоришь о новой экспедиции так, словно у нас бесконечные ресурсы.

— Я знаю, насколько ограничены наши запасы.

— Тогда почему ты всегда первым предлагаешь потратить их?

Этот вопрос задел его сильнее, чем он ожидал.

— Потому что однажды нам придётся научиться производить всё необходимое самим. И потому что древние сооружения могут оказаться либо угрозой, либо единственным способом сделать это быстрее.

— А могут оказаться бесполезными развалинами.

— Могут.

Елена посмотрела в сторону, где кто-то позвал её по имени.

— Я не против исследований, Саша. Я против того, чтобы мы забывали, ради чего вообще сюда прилетели.

— Ради того, чтобы жить.

— Вот именно. Не только искать ответы.

Изображение на мгновение распалось на квадраты. Когда связь восстановилась, Елена стояла уже ближе к камере.

— Ты сегодня вернёшься?

— Если Совет не затянется.

— Тогда поговорим вечером. Не через экран.

— Хорошо.

— И не забудь поесть. Ты с утра наверняка ничего не ел.

— Ел.

— Что?

— Завтрак.

— Я имела в виду после завтрака.

— Тогда нет.

— Я так и думала.

Экран погас.

Александр ещё несколько секунд смотрел на собственное отражение в тёмном стекле.

Он понимал Елену и во многом с ней соглашался.

Но каждый раз, когда древние машины подавали признаки жизни, у него возникало чувство, будто где-то за стеной кто-то осторожно поворачивал ключ в давно запертой двери.

Пройти мимо он не мог.

* * *

Заседание Совета началось в четырнадцать часов по корабельному времени.

В зале присутствовали двенадцать представителей колонии, капитан Громов, руководители научных групп и несколько специалистов службы безопасности. Остальные участники подключились с поверхности.

Илай, отвечавший за часть административных вопросов, первым потребовал объяснений.

— Я правильно понимаю, что неизвестный флот движется к древнему объекту, а мы собираемся наблюдать?

— Пока мы собираемся выяснить, существует ли этот объект, — ответил Громов.

— Разве сообщение не является достаточным подтверждением?

— Сообщение подтверждает, что кто-то хочет, чтобы мы туда не летали.

— Какая разница?

— Огромная, — вмешался Александр. — Если вы увидите табличку «Опасно» на закрытой двери, вы не будете знать, что за ней: неисправный реактор или чужой склад.

— Но всё равно не станете открывать её без подготовки.

— Именно поэтому мы предлагаем отправить разведывательный аппарат.

На экране появилась схема предполагаемого полёта.

София объяснила, что аппарат не будет приближаться к неизвестному флоту. Он займёт наблюдательную позицию на безопасном удалении и проведёт измерения с нескольких направлений.

— Сколько это будет стоить? — спросил представитель производственного сектора.

Александр назвал расход топлива и ресурс оборудования.

По залу прокатился недовольный гул.

— За эти материалы можно построить ещё один грузовой транспортёр, — заметил кто-то.

— Или заменить неисправные насосы в поселении,

— добавил другой.

— Для транспортёра и насосов нужны разные комплектующие, — возразил Александр. — Но вопрос справедливый. У нас ограниченные запасы.

— Тогда зачем вообще рисковать?

Громов поднял руку.

— Потому что неизвестный флот уже направляется к объекту, связанному с сооружениями на наших планетах. Если там произойдёт что-то опасное, мы должны узнать об этом раньше, чем последствия достигнут колонии.

После этих слов спор заметно стих.

— И что вы предлагаете? — спросил Илай.

— Один автоматический разведчик. Никаких пилотируемых полётов до получения результатов. Никаких попыток активировать древние устройства.

— Слово «никаких» хотелось бы услышать ещё раз,

— сказал Илай. — Полгода назад мы начинали с наблюдений. Потом обнаружили, что часть приборов умеет отвечать на наши запросы. И каждый раз узнавали об этом после включения.

София поднялась.

— Поэтому передатчик разведчика будет работать только на передачу телеметрии в сторону «Одиссея». Приём команд — по узкому направленному каналу. Автоматических запросов к объекту не предусмотрено. Если аппарат получит незнакомый пакет, он запишет его, но не ответит.

— А если сам факт появления аппарата что-нибудь запустит?

— Тогда наша задача — находиться достаточно далеко, чтобы успеть это заметить, — сказала София.

— Обещать большего я не стану.

Илай посмотрел на неё с неожиданным уважением.

— Вот это ответ, которому можно верить.

— А если чужие корабли уничтожат разведчик?

— Тогда мы получим крайне неприятную, но полезную информацию.

После короткого обсуждения провели голосование.

Предложение приняли девятью голосами против трёх. Совет также потребовал, чтобы данные разведчика поступали одновременно на «Одиссей» и в колонию, а попытка установить контакт с узлом потребовала нового разрешения.

Александр выдохнул.

Первый шаг был сделан.

* * *

Подготовка разведывательного аппарата заняла три часа.

В ангаре «Одиссея» работали две бригады техников. Они проверяли двигатель, герметичность топливных магистралей, навигационную систему и научную аппаратуру.

Дмитрий Соколов стоял возле открытого люка и наблюдал, как механик закрепляет дополнительный датчик.

— Сколько раз я говорил, что этому малышу нужен новый двигатель, — проворчал он.

— Двадцать семь, — ответил АРГО через ангарный динамик.

— Я не у тебя спрашивал.

— Ваше утверждение имело форму вопроса.

Механик рассмеялся.

— АРГО, когда-нибудь ты доведёшь его до инфаркта.

— Согласно медицинской статистике, вероятность инфаркта у Дмитрия Соколова в ближайшие десять лет невысока.

— Спасибо, — сказал Дмитрий. — Теперь я спокоен.

Александр подошёл к ним.

— Готовность?

— Через сорок минут, — ответил механик.

Дмитрий постучал пальцем по корпусу аппарата.

— Жалко отпускать его одного.

— Это автоматический разведчик.

— Вот именно. Он не оценит, насколько красиво там будет.

— Ты даже не знаешь, что там.

— Поэтому и интересно.

Александр посмотрел на раскрытый люк.

— Проверь резервный канал управления.

— Уже проверил.

— И аварийное отключение двигателя.

— Проверил.

— И...

— Саша, — перебил Дмитрий, — если ты сейчас попросишь меня проверить, прикручен ли двигатель к корпусу, я обижусь.

— Прикручен?

— Теперь точно обижусь.

Они улыбнулись друг другу.

На мгновение всё показалось почти обычным: ангар, техники, подготовка аппарата, привычные шутки.

Так проходили дни на Земле, когда людям ещё казалось, что времени впереди сколько угодно.

* * *

Разведчик стартовал в восемнадцать часов двенадцать минут.

На главном экране навигационной лаборатории появилась маленькая зелёная точка. Она медленно удалялась от «Одиссея», набирая скорость по расчётной траектории.

— Двигатель работает нормально, — доложил Дмитрий.

— Телеметрия поступает без сбоев, — добавила София.

— Время до первой точки наблюдения — шесть часов сорок восемь минут, — сообщил АРГО.

Громов кивнул.

— Значит, пока можем заняться другими делами.

Однако никто не ушёл.

На соседнем экране продолжали двигаться девять отметок неизвестного флота.

— Они не изменили курс? — спросил Александр.

— Нет.

— На наш старт отреагировали?

— Никаких изменений не зафиксировано.

— Возможно, не заметили, — предположил Дмитрий.

София покачала головой.

— Девять межзвёздных кораблей, способных поддерживать строй на таком расстоянии, наверняка располагают средствами наблюдения не хуже наших.

— Тогда решили не обращать внимания.

— Или уже знают, куда летит разведчик.

Громов посмотрел на часы.

— Достаточно гаданий. Продолжайте наблюдение. Я вернусь через час.

Он направился к выходу, но у самой двери остановился.

— Александр.

— Да?

— Если обнаружим что-то опасное, никакой самодеятельности.

— Понимаю.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Капитан вышел.

Дмитрий подождал, пока дверь закроется.

— А он тебя хорошо знает.

— К сожалению.

* * *

Первые необычные данные поступили через два часа после старта.

Разведчик ещё находился далеко от предполагаемого узла, когда его гравиметр зарегистрировал кратковременное отклонение.

София увеличила график.

— Странно.

Александр поднял голову.

— Что?

— Мы получили импульс. Очень слабый, но отчётливый.

— Откуда?

— Вот это и интересно. По направлению — от шестой планеты.

— От древнего комплекса?

— Возможно. Но через две секунды такой же импульс зарегистрировала орбитальная станция возле третьей планеты.

— Значит, они связаны.

— Не спеши.

София вывела оба сигнала рядом.

Они почти совпадали, но во втором обнаружилась короткая дополнительная последовательность.

— АРГО, можешь её расшифровать? — спросила София.

— Анализирую.

На экране появились числа.

Сначала Александр не придал им значения. Затем заметил, что последовательность делится на группы по шесть.

— Подожди, — сказал он. — Покажи координаты планет в момент первого импульса.

АРГО выполнил команду.

Александр сравнил данные.

— Это не координаты источника.

— А что? — спросил Дмитрий.

— Поправки.

София быстро проверила расчёт.

— Верно. Но поправки к чему?

Александр взял планшет и стал записывать значения.

Первое число соответствовало положению шестой планеты. Второе — пятой. Третье — четвёртой.

Он остановился, сверил расчёт и сказал:

— АРГО, вычти эти значения из текущих координат древних комплексов.

На экране появилась новая схема: шесть точек сместились.

Линии, соединявшие их, перестали сходиться в одной области.

Теперь они образовывали вытянутую фигуру, похожую на раскрытый веер.

— Это уже не карта, — тихо произнесла София.

— Нет.

— Тогда что?

Александр посмотрел на последнюю строку.

— Возможно, инструкция по настройке.

В лаборатории стало тихо.

— Настройке чего? — спросил Дмитрий.

Ответил АРГО:

— Обнаружено соответствие с одним из фрагментов архива Хранителей.

— Покажи.

На экране возникло древнее изображение: шесть окружностей, соединённых тонкими линиями, и седьмая, расположенная отдельно.

Под ним находилась короткая надпись.

— Перевод предварительный, — предупредил АРГО.

— Читай, — сказал Александр.

— «Внешний узел. Режим ожидания. Проверка опорных систем перед соединением». Слово «соединение» может означать как установление связи, так и физическое сопряжение; словарь Хранителей не даёт однозначного перевода.

София медленно опустилась в кресло.

— Значит, седьмая точка действительно узел.

— Похоже на то, — ответил Александр.

— Но почему проверка началась именно сейчас?

АРГО не ответил.

Зато на экране вспыхнуло новое уведомление.

Входящий сигнал. Источник не определён.

— Опять неизвестный флот? — спросил Дмитрий.

— Нет, — произнёс АРГО. — Сигнал зарегистрирован одновременно шестью планетными комплексами.

— Содержание?

— Анализирую.

Несколько секунд на экране сменялись строки символов.

Затем появилась короткая фраза:

«Прибытие подтверждено».

Александр почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Чьё прибытие?

— В сообщении объект не указан, — ответил АРГО.

София быстро вывела временную шкалу.

— Подождите. Посмотрите на момент передачи.

По корабельному календарю сигнал возник ровно через шесть месяцев после первого сближения «Одиссея» с третьей планетой.

София проверила поправку на время прохождения сигнала. Моменты совпадали в пределах погрешности корабельных часов; установить, было ли это намеренным совпадением, пока не удавалось.

— Совпадение? — спросил Дмитрий.

Никто не ответил.

Александр смотрел на дату.

— АРГО, — медленно произнёс он, — когда впервые активировались системы Хранителей после нашего прибытия?

— Через сорок одну минуту после выхода «Одиссея» на орбиту Элиона-3.

— А когда мы впервые установили связь с древним комплексом?

— Спустя девять суток.

— Сравни эти события с нынешней последовательностью.

На экране появилась таблица.

АРГО работал несколько секунд, затем произнёс:

— Обнаружена корреляция.

— Какая?

— Текущая проверка сети могла быть запущена в результате первого контакта «Одиссея» с планетным комплексом.

Дмитрий медленно присвистнул.

— Значит, мы сами всё включили?

— Это одна из возможных гипотез, — ответил АРГО.

София покачала головой.

— Не обязательно. Сеть могла ожидать любого корабля, который сумел бы установить связь с Хранителями.

— Но почему тогда чужой флот полгода ничего не предпринимал? — спросил Александр.

— Возможно, они не могли запустить проверку самостоятельно.

— Или ждали, пока это сделаем мы.

Последние слова прозвучали особенно неприятно.

* * *

В двадцать три часа сорок семь минут разведчик передал первые изображения области предполагаемого узла.

За четыре часа до этого Дмитрий потребовал изменить программу сближения. На расчётной траектории появились слабые, но устойчивые расхождения между показаниями звёздного датчика и инерциальной системы. Отклонение было невелико; на обычном перелёте его списали бы на погрешность. Здесь оно означало, что аппарат мог прийти не туда, куда указывала карта.

— Дадим ему ещё тяги — потеряем запас для ухода,

— сказал Дмитрий, когда Александр предложил сократить задержку.

— Если остановимся сейчас, не получим ничего.

— Если не остановимся вовремя, получим очень дорогую фотографию пустоты. И не получим обратно разведчик.

Громов, слушавший спор по связи, выбрал компромисс: аппарат продолжил полёт, но с меньшей скоростью и по дуге, оставлявшей ему возможность развернуться без дополнительного торможения. Поэтому первые изображения пришли позднее первоначального расчётного срока. Никто не жаловался: к этому часу у экипажа появились причины ценить запас топлива выше любопытства.

На экране было почти пустое пространство.

Редкие звёзды, слабое свечение далёкой туманности и несколько крошечных точек неизвестного флота.

Никаких сооружений.

Никаких астероидов.

Ничего, что могло бы объяснить гравитационные отклонения.

— Вот и вся великая тайна, — сказал Дмитрий. — Космос. Много космоса.

— Подожди, — ответила София.

Она увеличила изображение.

— Видишь эту звезду?

— Вижу.

— А теперь сравни с архивным снимком.

Звезда на новом изображении находилась немного в стороне от ожидаемого положения.

— Ошибка навигации? — спросил Александр.

— Нет. Соседние звёзды совпадают.

София вывела второе изображение.

Теперь смещённых звёзд было три.

— Похоже на гравитационное линзирование, — сказал Александр.

— Похоже, — поправила София. — Но пока у нас всего два набора изображений. Чтобы назвать причину, нужно исключить ошибку оптики и обработку сигнала.

— Но для такого эффекта нужна масса.

— Или что-то, что воздействует на свет сходным образом.

Дмитрий наклонился ближе к экрану.

— И где же оно?

София указала на пустую область между звёздами.

— Здесь.

Разведчик продолжал движение.

Каждые несколько секунд его приборы передавали новые данные. И постепенно становилось ясно, что пустота впереди не совсем пуста.

Свет далёких звёзд отклонялся, словно проходил мимо невидимого массивного тела.

Но датчики не регистрировали ни теплового излучения, ни отражённого света, ни характерных признаков обычного небесного объекта.

— АРГО, оцени размеры области, — попросил Александр.

— По предварительным данным, поперечник зоны оптического искажения составляет приблизительно сто восемьдесят километров.

— Сто восемьдесят километров, — повторил Дмитрий. — Неплохая невидимка.

— Это поперечник области искажения, а не обязательно размер самого объекта, — уточнила София.

На экране вспыхнул сигнал тревоги.

— Внимание, — произнёс АРГО. — Неизвестный флот изменил скорость.

— Они ускоряются? — спросил Александр.

— Нет. Замедляются.

Девять кораблей постепенно выстраивались полукругом перед невидимой областью.

— Что они делают? — спросил Дмитрий.

София смотрела на экран, не отвечая.

Один из кораблей отделился от строя и двинулся вперёд.

Его траектория вела прямо к центру искажения.

— АРГО, увеличь изображение.

На экране появился длинный тёмный корпус с несколькими выступающими конструкциями. Вдоль его бортов мерцали голубоватые огни.

Корабль остановился.

Через несколько секунд от него отделились три небольших аппарата.

Они разошлись в стороны и заняли позиции примерно на одинаковом расстоянии от предполагаемого центра.

— Похоже на измерительную операцию, — сказал Александр.

— Или подготовку к запуску, — возразила София.

Внезапно один из аппаратов испустил яркий луч.

Он не был направлен на разведчик. Луч уходил в пустоту, где находилась область искажения.

Через секунду вспыхнул второй.

Затем третий.

Между тремя аппаратами возникла тонкая светящаяся дуга.

Она медленно изгибалась, словно повторяя контур невидимой поверхности.

— Они что-то подсвечивают, — прошептал Дмитрий.

Александр не ответил.

На экране, среди чёрного пространства, начал проступать огромный круг.

Сначала едва заметный, затем всё более отчётливый.

Не сплошной металлический обруч, а сложная конструкция из множества концентрических колец, разделённых промежутками. Некоторые её участки казались повреждёнными. Другие исчезали на фоне звёзд, будто там обрывалась сама конструкция.

— Невероятно, — произнесла София.

— Что это? — спросил Дмитрий.

Александр медленно поднялся.

— Думаю, мы нашли седьмой узел.

В тот же миг АРГО заговорил необычно резко:

— Внимание. Получено новое сообщение от неизвестного флота.

— Покажи, — приказал Александр.

На экране возникла строка:

«Ваш разведчик обнаружен. Немедленно прекратите сближение. Узел нестабилен».

Дмитрий посмотрел на Александра.

— На этот раз они хотя бы объяснили причину.

— АРГО, останови разведчик. Переведи его на безопасную траекторию.

— Выполняю.

На навигационной карте расчётная траектория зелёной отметки начала изгибаться в сторону от узла.

Но через несколько секунд в центре древней конструкции возникла слабая голубая вспышка.

София резко выпрямилась.

— Что это было?

— Зафиксирован кратковременный энергетический выброс, — ответил АРГО.

— Откуда?

— Из центральной области узла.

На экране появилась новая строка.

«Внешний узел: проверка завершена».

Затем следующая:

«Подключение ожидается».

И последняя:

«Количество подтверждённых участников: два».

Александр медленно повернулся к Софии.

— Два?

Она не ответила.

Вместо неё заговорил АРГО:

— Предположительно, система зарегистрировала два независимых источника. Слово «участник» — условный перевод. Оно не доказывает, что узел признал за ними право доступа.

— «Одиссей» и неизвестный флот? — спросил Дмитрий.

— Это одна из гипотез, — ответил АРГО. — Сигнал не содержит идентификаторов.

Александр снова посмотрел на огромную конструкцию, едва различимую среди звёзд.

Полгода неизвестные корабли сопровождали их на расстоянии.

Полгода древние сооружения не давали им ясных ответов.

Теперь обе стороны оказались перед одним и тем же узлом.

И впервые Александр подумал, что чужой флот, возможно, не преследовал «Одиссей».

Может быть, он ждал, когда люди приведут его к двери, которую сами не умели открыть. А может быть, чужие корабли всё это время пытались удержать землян от опасного шага. Обе догадки одинаково плохо объясняли, почему никто не заговорил с ними раньше.

— Сохрани исходные данные, — сказал Александр.

— Все, до последнего пакета. И отметь в отчёте, что мы ничего не открывали.

— Отмечено, — ответил АРГО.

София не отрывала взгляда от тусклых колец.

— Для машины, которая ждала неизвестно сколько лет, разница между наблюдением и приглашением может оказаться не такой очевидной, как для нас.

— Тогда, — сказал Дмитрий, — хорошо бы научиться разговаривать с ней до того, как она решит нас пригласить.

Глава 3. Экспедиция на второй мир

Утром Александр Воронцов нашёл капитана Громова в навигационной лаборатории. На главном экране медленно вращалась вторая планета Элиона: выжженный шар, рассечённый тёмными бороздами каньонов. Солнечная сторона сияла охрой, ночная казалась почти чёрной.

Перед Громовым стояла чашка кофе. На поверхности успела образоваться тонкая плёнка.

— Хочу отправиться туда, — сказал Александр.

— Даже не поздоровался. Значит, предложение неприятное.

— Доброе утро, капитан. Хочу отправиться туда.

— Так лучше. Теперь объясни, зачем мне рисковать четырьмя людьми после предупреждения неизвестного флота.

Александр положил на стол планшет. На нём светились шесть точек — по одной на каждой планете,

— и седьмая, далеко за пределами орбиты последней.

— Внешний узел связан с планетными сооружениями. На второй планете георадар разведчика обнаружил прямые линии под поверхностью. На естественное образование они не похожи. Если мы хотим понять, что ждёт нас у седьмого узла, начинать надо там, где можно поставить прибор на грунт.

— Поставить прибор, — повторил Громов. — Не открыть дверь, не нажать кнопку и не разбудить то, что спит под камнями?

— Именно.

— Четыре человека. Тридцать часов на поверхности. Соколов отвечает за полёт и имеет право отменить операцию без твоего согласия. Не приближаться к неизвестным механизмам, если обнаружится их активность.

— На поверхности температура выше ста градусов. Для работы в каньоне нам понадобятся два выхода с перерывом для охлаждения систем скафандров. Сорок восемь часов было бы разумнее.

— Тогда разумнее было бы вообще не лететь. Тридцать.

Громов коснулся планшета, подписывая разрешение.

— И ещё. Я не намерен объяснять Елене, почему лучший инженер экспедиции решил доказать свою храбрость куску древнего железа.

— Я тоже не намерен.

— Вот и договорились.

В ангаре уже пахло нагретым металлом и охлаждающей жидкостью. Алексей Руденко, стоя по колено в открытом грузовом контейнере, спорил с кладовщиком о буровых наконечниках.

— Мне нужны четыре, — говорил геолог.

— По ведомости два.

— По ведомости у нас и планета пригодная для посадки. А я видел её снимки.

София Лебедева не вмешивалась. Она закрепляла на переносной платформе регистратор, собранный из трёх разных приборов. Александр остановился рядом.

— Что это?

— Устройство, которое не умеет отвечать на сигналы. Только слушать.

— Вчерашний зонд тоже начинал с наблюдений.

— Вчерашний зонд посылал запросы. Этот передатчика не имеет физически. Я сняла усилитель, разъём и силовую линию. Если древняя станция сочтёт его приглашением, значит, ей достаточно самого факта нашего присутствия.

Дмитрий Соколов, проверявший посадочный челнок, высунулся из люка:

— Пожалуйста, не произноси таких слов перед стартом. Я и без того не люблю планеты, на которых воздух годится только для того, чтобы портить показания приборов.

Елена принесла контейнер с фильтрами и полосками химического контроля. Она поставила его перед Александром.

— Дополнительные сорбенты. В атмосфере второй планеты обнаружены летучие соединения серы. Если почувствуете запах внутри костюма, не ищите источник, а возвращайтесь.

— В герметичном костюме запаха быть не должно.

— Именно поэтому я и говорю: возвращайтесь.

Она проверила крепление его полевого планшета, хотя прекрасно знала, что он способен сделать это сам.

— Тридцать часов, — сказала Елена.

— Я помню.

— Ты помнишь только те ограничения, которые сам придумал.

— На этот раз ограничение придумал Громов.

— Тем более не спорь.

Он поцеловал её в висок. Дмитрий кашлянул с такой выразительностью, что Руденко поднял голову из контейнера.

— Если церемония закончена, — сказал пилот, — предлагаю отправиться, пока наш геолог не погрузил в челнок весь склад.

* * *

Вторая планета медленно росла в обзорном экране, постепенно открывая свои истинные размеры. С орбиты были видны огромные русла, по которым некогда, возможно, текла вода. Теперь они представляли собой цепи каменных уступов, протянувшиеся на тысячи километров.

— Давление у поверхности — около одиннадцати процентов земного, — сообщил АРГО. — Основные компоненты атмосферы непригодны для дыхания. Температура на выбранной площадке — сто четыре градуса Цельсия. Скорость ветра — девять метров в секунду.

— Прекрасный курорт, — сказал Дмитрий. — Остаётся выяснить, за что здесь берут плату.

— За обратный билет, — ответил Руденко.

Дмитрий перевёл челнок в посадочную конфигурацию. Атмосфера была слишком разреженной для эффективного аэродинамического торможения. Зато при снижении струи двигателей подняли плотную пыльную завесу. Он несколько раз скорректировал траекторию снижения, обходя невидимые с орбиты скальные гребни.

— Площадка слишком ровная, — сказал пилот.

— Тебя беспокоит, что на ней удобно садиться? — спросил Александр.

— Меня беспокоит, что за двадцать километров вокруг нет ни одного ровного места, а здесь круг диаметром шестьсот метров. Геология редко бывает такой любезной.

— Под поверхностью плотный слой, — добавила София. — Георадар показывает его на глубине двадцати семи метров. Отражённый сигнал необычно силён.

— Металл? — спросил Руденко.

— Пока только отражающая граница. Не называй её металлом раньше анализа.

Челнок коснулся грунта. Под опорами хрустнула сухая корка. Взметнувшуюся пыль горячий ветер гнал вдоль площадки.

Они не вышли сразу. Сначала выпустили автоматическую платформу, которая прошла вокруг корабля, измеряя прочность поверхности и концентрацию агрессивных газов. Затем проверили шлюз, запас теплоносителя и резерв кислорода. На каждую мелочь уходило время, но Александр знал цену поспешности: далеко от «Одиссея» исправить ошибку было некому.

Наконец три фигуры в светлых костюмах ступили на красноватую равнину. Дмитрий остался в кабине, держа двигатели в режиме готовности к немедленному взлёту.

— Связь чистая, — сказал он. — Только не заставляйте меня повторять это каждые пять минут.

— Повторять будешь каждые пять минут, — ответила София. — И отмечать задержку сигнала.

— Жестокая женщина.

Они двинулись к каньону. Платформа катилась следом, оставляя две узкие колеи. Под подошвами скрипела пыль, похожая на измельчённое стекло. Вдали возвышалась гряда тёмных скал, а над ней висело маленькое, почти белое солнце.

У края каньона Александр остановился. Противоположная стена уходила вверх уступами, испещрёнными горизонтальными слоями. Внизу лежала густая тень. Глубина превышала восемьсот метров.

— Вода? — спросил он геолога.

— Когда-то — возможно. Но нижние слои деформированы. Здесь были движения коры, причём не один раз. Посмотри на тот уступ.

Руденко увеличил изображение. На двухстах метрах ниже края в скалу был врезан прямоугольник высотой около шестидесяти метров. Его границы были прямыми, как линии чертёжника, а поверхность отличалась от окружающей породы матовым серым цветом.

— Это уже не геология, — сказал Александр.

— Очень надеюсь, что нет. Иначе мне придётся переписать учебники.

На прямоугольнике виднелись шесть углублений. Они повторяли символ, найденный ранее в архиве Хранителей: шесть отметок вокруг пустого центра.

София установила регистратор на краю обрыва. В нём не было передающего контура; он лишь принимал внешние сигналы. Несколько секунд прибор показывал обычный фоновый шум. Затем по экрану побежали ровные импульсы.

— Это похоже на ответ, — сказала она.

— На что?

— Вот именно.

— АРГО, анализ структуры, — приказал Александр.

— Обнаружен протокол, сходный с архивными записями древней сети. Предварительное значение: «Опорная система два. Проверка доступа».

— Мы ничего не запрашивали, — напомнил Руденко.

— Возможно, станция проверяет всё, что попадает в область её наблюдения, — сказала София. — Это ещё не означает, что она нас узнала.

Александр поднял руку, останавливая остальных.

— Снимите полный спектр. После этого возвращаемся.

По краям прямоугольника вспыхнули тонкие голубоватые линии. Они медленно прошли вниз, очертили шесть углублений и исчезли в тени. Скала дрогнула. Пыль с уступов посыпалась в пропасть.

— Мы её включили? — спросил Руденко.

— Нет, — ответила София. — Но она включилась при нас.

Огромная плита отступила внутрь стены. Люди ощутили низкую вибрацию подошвами скафандров; лишь затем по разрежённому воздуху докатился приглушённый рокот. За плитой открылся освещённый белым светом проход. Приборы не смогли определить его глубину.

— Возвращаемся, — сказал Александр.

— Подожди, — возразил Руденко. — Один снимок внутренней поверхности…

— Снимай на ходу.

Они направились к челноку. Платформа поспевала за ними с трудом: мелкая пыль забивалась в шарниры колёс. София несколько раз оглядывалась на проход, но Александр не позволил остановиться.

— Воронцов, — раздался голос Дмитрия, — у меня новая неприятность. Грунт под посадочной площадкой нагревается. Температура грунта под левыми опорами выросла на двенадцать градусов.

— Поднимайся на двадцать метров и смещайся к открытой равнине.

— А вы?

— Дойдём до открытой равнины. Подберёшь нас там.

— На зависании топливо расходуется быстрее.

— Знаю. Действуй.

София услышала распоряжение и остановилась.

— Если он уйдёт с площадки, мы потеряем ориентир.

— Зато не потеряем корабль, — ответил Александр.

Земля содрогнулась сильнее. По равнине прокатилась волна пыли, словно под тонкой коркой грунта прошёл огромный механизм. От края каньона откололась каменная глыба. Руденко невольно пригнулся.

— Колебания не похожи на землетрясение, — сказал он. — Слишком правильный период.

— Сейчас мне всё равно, как их называть.

Челнок поднялся, оставив на грунте четыре круглые вмятины. Под ними обнажились участки тёмного материала, прежде скрытые пылью. Из-под земли проступал рисунок: шесть прямоугольников вокруг центрального круга.

— Вы стояли на крышке, — сказал Дмитрий.

— Похоже на то, — ответил Александр.

— В следующий раз выбираю площадку сам. И без советов археологов.

Они добежали до открытого участка. Челнок снизился, не касаясь земли. Спускать тросовую лестницу при таком ветре было опасно, поэтому Дмитрий открыл нижний грузовой люк и выпустил короткую подъёмную платформу. Сначала подняли автоматическую платформу с приборами, затем — Руденко, Софию и Александра. Последний едва успел закрепить страховку, когда под равниной раздался глухой удар.

— Все на борту! — крикнул Александр.

Дмитрий дал тягу. Челнок поднялся над пыльным облаком. Внизу из поверхности медленно выходила металлическая колонна, высотой около десяти метров, покрытая рядами узких прорезей. На её вершине вспыхнуло кольцо света.

— Направленная передача, — сказала София, не снимая шлема. — Источник — колонна. Приёмник, вероятно, внешний узел.

— Вероятно? — переспросил Дмитрий.

— Пока мы не узнаем, что там принимают, это будет только вероятно.

* * *

На орбите стало ясно, что их отступление было своевременным. Снимки показали под пылью не одиночное сооружение, а целую систему правильных линий, расходившихся от каньона на десятки километров. Часть их продолжалась под древними осадочными слоями.

— Сколько ей лет? — спросил Громов по связи.

— Не могу назвать даже порядок, — ответил Руденко. — Поверхностная порода старая, но сам комплекс мог работать и позже. Для датировки нужны образцы, а мы их не взяли.

— Вы привезли людей, — сказал капитан. — Это пока важнее образцов.

София показала спектр передачи колонны. Сигнал был узконаправленным и состоял из пакетов одинаковой длины. Он не нёс привычного языка; его структура напоминала служебные сообщения компьютера.

АРГО закончил сопоставление с архивом Хранителей.

— Предварительный перевод: «Опорная система два: подтверждена. Осталось неподтверждённых систем: пять».

Руденко прислонился к переборке.

— Пять. Значит, всё-таки шесть планет.

— Не торопись, — сказала София. — «Подтверждена» не означает «исправна». Станция могла только удостовериться, что мы присутствуем.

— Или что её механизмы готовы к следующей проверке, — добавил Александр.

— Что именно вы сделали перед включением? — спросил Громов.

Они восстановили последовательность по секундам: остановка на краю каньона, установка регистратора, начало приёма, свет на плите, движение механизма. Ни один прибор экспедиции не отправил команду. Даже аварийная связь с «Одиссеем» шла через челнок, а не в направлении древнего сооружения.

— Проверьте, когда станция начала накапливать энергию, — приказал капитан. — Если найдёте этот момент, узнаем, действительно ли она отреагировала на вас.

АРГО сопоставил показания орбитальных датчиков с тепловой историей поверхности.

— Рост внутренней активности зафиксирован за одиннадцать часов до посадки экспедиции. В пределах точности измерений он совпадает со временем утверждения плана полёта.

— Мы обсуждали план на закрытом канале, — сказал Александр.

— Канал защищён от известных способов перехвата,

— ответил АРГО.

— Известных нам, — уточнила София. — Не надо делать вывод, будто станция предвидела будущее. Она могла перехватить передачу, обнаружить подготовку челнока или просто действовать по собственному расписанию.

— И как различить эти варианты? — спросил Громов.

— Нужны повторные наблюдения, но не повторная высадка. Если станция продолжит цикл без нас, у неё есть собственная программа. Если затихнет, мы получим другую гипотезу. Не доказательство, но начало.

Александр посмотрел на поверхность планеты. Дверь в каньоне уже закрылась, а колонна осталась над грунтом — тонкая игла, едва заметная на фоне гигантской равнины.

— Знаешь, что меня беспокоит больше всего? — спросил он Софию, когда связь с капитаном закончилась.

— Что мы не знаем, кто построил эту машину?

— Нет. Что мы не знаем, какую проверку только что прошли.

В лабораторном отсеке звякнули крепления контейнера: челнок начал манёвр сближения с «Одиссеем». Дмитрий сообщил расчётное время стыковки, Руденко попросил выделить ему дополнительное место для образцов в следующем рейсе, а София уже составляла перечень вопросов, на которые никто пока не мог ответить.

Новый сигнал пришёл, когда до стыковки оставалось двенадцать минут.

«Первый этап завершён. Ожидается прибытие остальных».

— Остальных кого? — спросил Дмитрий.

Александр не стал выдвигать догадок.

— Запиши вопрос, — сказал он. — Когда поймём, кто его задаёт, возможно, сможем получить ответ.

За иллюминатором показался «Одиссей». Огромный корабль, перенёсший людей через межгалактическую пустоту, медленно вращался на фоне звёзд. В его жилых отсеках продолжа-

лась обыкновенная жизнь: кто-то готовил ужин, кто-то ссорился из-за дежурства, кто-то ждал возвращения близких. Александр подумал, что древней машине, возможно, безразличны все эти люди, их тревоги и надежды. Для неё они были лишь очередной отметкой в неизвестной процедуре.

Но для него — причиной не спешить с ответами.

Глава 4. Машина без хозяина

Когда челнок вошёл в посадочный отсек «Одиссея», на посадочных опорах ещё оставалась красноватая пыль второго мира. Она забилась в сочленения опор, покрыла защитные стёкла внешних камер, а на обшивке осела тонким матовым налётом. Прежде чем открыть внутренний шлюз, механики взяли пробы: неизвестная пыль не должна была попасть в жилые отсеки. Техники окружили челнок с пробоотборниками и переносными анализаторами, словно тот вернулся не с соседней планеты, а из иной эпохи.

Александр снял перчатки и с некоторым удивлением обнаружил, что у него дрожат пальцы.

— Перегрелся? — спросил Дмитрий, заметив это.

— Устал.

— Весьма научное объяснение. София уже унесла записи. Руденко требует немедленно исследовать пыль, словно мы привезли ему вторую планету целиком. А я хочу душ и ужин.

— В таком порядке?

— Если ужин приличный, порядок можно изменить.

У трапа их встретил капитан Громов. Он не стал спрашивать о самочувствии, лишь оглядел возвращавшихся и произнёс:

— Все на месте. Это уже хороший результат. Теперь объясните, почему под вашим кораблём выросла башня.

— Мы сами хотели бы знать, — ответил Александр.

— Прекрасно. Тогда у нас есть общее занятие на вечер.

* * *

В лаборатории София разложила на столе снимки, графики и образцы, которые удалось собрать до начала толчков. Самым ценным оказался не камень и даже не запись открытия гигантской двери в каньоне. Решающими оказались одиннадцать секунд данных, полученных её самодельным регистратором непосредственно перед тем, как грунт посадочной площадки пришёл в движение.

— Вот, — сказала она, указав на две кривые. — Наш прибор передавал импульсы с постоянной частотой. Станция ответила раньше, чем первый импульс успел дойти до нижней границы сооружения.

Руденко нахмурился:

— Может, расстояние определили неверно?

— Мы проверили его тремя методами.

— Тогда проверьте опорные часы.

— Сверила с корабельным стандартом.

— Один стандарт — не независимая проверка. Если ошибка в алгоритме синхронизации, она будет в обеих записях.

— Алексей, — вмешался Александр, — что ты пытаешься доказать?

— Что я предпочёл бы неисправные часы неисправным законам физики.

София впервые за весь вечер улыбнулась.

— Я тоже. Поэтому сравнила запись с автономным регистратором в костюме Александра. Его часы сверяли перед вылетом, а во время посадки он не принимал поправок от корабля. Последовательность событий та же. Станция не отвечала на наш сигнал: её процедура началась до того, как мы включили передатчик.

— Значит, заметила посадку, — сказал Громов.

— Или приближение, — поправила София. — Но и это не объясняет, почему первая активность зарегистрирована за одиннадцать часов до высадки.

АРГО вывел на стену временную шкалу. Слева была отмечена дата утверждения экспедиции, справа — начало заметного роста активности под посадочной площадкой.

— Совпадение не доказывает причинной связи, — напомнил искусственный интеллект.

— Спасибо, АРГО, — сказал капитан. — Хоть кто-то здесь не торопится объявлять чудо.

Александр смотрел на шкалу. Отметки различались менее чем на минуту. Совпадение было слишком удобным, чтобы принимать его без проверки.

— А если мы неверно определили момент запуска?

— спросил он. — Возможно, станция работала и раньше, но слишком слабо, чтобы наши приборы это замечали.

— Проверяю архив, — ответил АРГО.

Пока шёл анализ, Руденко достал из контейнера плоский чёрный обломок.

— А это я подобрал возле каньона. Он не похож на местную породу.

— Ты взял образец без согласования? — спросил Громов.

— Согласование было. С самим собой. Я геолог экспедиции.

— Алексей…

— Он лежал отдельно от поверхности, капитан. Я не отламывал ничего от станции.

Александр взял обломок. Обломок оказался неожиданно лёгким. Его край был неровным, но внутри виднелись параллельные тончайшие слои.

— Похож на образец с третьей планеты, — заметил он.

Руденко кивнул:

— Я поэтому и взял. Только здесь слоёв не шестьдесят четыре. Их двести пятьдесят шесть.

София подняла голову.

— Ты уверен?

— Я умею считать, когда мне не мешают.

АРГО прервал их:

— Анализ архива завершён. Признаки слабой активности комплекса на второй планете присутствуют в наблюдениях за последние сто девяносто три дня.

Громов медленно выпрямился.

— Сколько?

— Сто девяносто три дня. Интенсивность была ниже порога автоматического оповещения. Рост начался за одиннадцать часов до посадки, но не является первым включением станции.

Александр почувствовал облегчение, смешанное с досадой. Загадка не исчезла, однако стала понятнее.

— То есть она работала ещё до нашей посадки. Возможно, с тех пор как мы вошли в систему.

— Такая интерпретация согласуется с данными, — ответил АРГО.

— А вчера стала работать интенсивнее, — добавила София. — Не обязательно потому, что мы приняли решение. Возможно, наоборот: мы выбрали экспедицию потому, что станция уже начала посылать заметные сигналы.

— Значит, она не читает мысли, — подытожил Дмитрий, вошедший с двумя чашками. — Уже легче. Кто-нибудь хочет кофе, который не имеет права так называться?

* * *

Вечером Александр всё-таки спустился в Новый берег. Елена встретила его у входа в жилой модуль и некоторое время молча разглядывала царапину на его скафандре, заметную на записи с нагрудной камеры.

— Это где?

— У каньона. Зацепился за камень.

— Ты говорил, что будет орбитальная разведка и, возможно, посадка.

— Посадка состоялась.

— А землетрясение тоже было предусмотрено планом?

— Нет.

— Хоть здесь мы согласны.

Он повесил куртку у двери и сел за стол. Елена поставила перед ним тарелку с горячей похлёбкой из тепличных овощей.

— Ты ела? — спросил он.

— Давно. Я тебя ждала не ради ужина.

— Знаю.

Она села напротив.

— Саша, мне не нужно, чтобы ты обещал никогда не рисковать. Это невозможно. Но я хочу узнавать об опасности от тебя, а не из экстренного сообщения Совета.

— Связь на поверхности прерывалась. Как только мы поднялись, я отправил отчёт.

— Отчёт капитану. Мне — три слова: «Вернулся. Всё нормально».

Александр посмотрел на неё и понял, что оправдываться нечем.

— Ты права. Прости.

Елена кивнула. Она не стала продолжать спор, и это было лучше любого примирительного слова.

— Что нашли? — спросила она через минуту.

— Дверь в скале. Огромную. И станцию, которая начала работать без нашей помощи.

— Она опасна?

— Не знаем.

— Значит, опасна, пока не доказано обратное.

— Именно так я и сказал Громову.

— Удивительно. А он поверил?

— Не особенно.

Елена усмехнулась и придвинула к нему хлеб.

За окном по дорожке прошли двое техников. Они спорили о насосах, не замечая, что над их головами, среди звёзд, оставались корабли неизвестного флота. Поселение жило своими мелкими, необходимыми делами. Александр вдруг подумал, что именно ради этих споров о насосах, ради тёплого ужина и света в окнах стоило пережить многовековой перелёт.

* * *

Утром София вызвала его на «Одиссей» раньше назначенного времени.

— Мы нашли повторяющийся цикл, — сообщила она, едва он вошёл. — Станция на второй планете выполняет похожую последовательность каждые двадцать шесть часов и четырнадцать минут. Мы измерили интервал по нескольким циклам; погрешность ещё предстоит уточнить.

— Что входит в последовательность?

— Проверка энергетических накопителей, испытание каналов связи, измерение положения внешнего узла и попытка открыть диагностический доступ.

— Попытка неудачная?

— До вчерашнего дня — да. После нашей посадки станция завершила один из этапов.

— Что изменилось?

София вывела снимок каньона. Огромный прямоугольный проём, открывшийся в скале, теперь был закрыт. Однако на вершине выдвинутой колонны всё ещё светились шесть пластин.

— Похоже, система использовала сигналы наших приборов для независимой сверки, — сказала она. — Она сопоставила собственные измерения с независимыми. По крайней мере, именно так выглядит порядок импульсов.

— На чём основан вывод?

— На времени импульсов. После каждого нашего измерения станция меняла интервал своей диагностики. Но это ещё не доказательство: мы не исключили, что оба процесса зависят от третьего источника.

— Значит, без нас она не могла завершить диагностику.

— Возможно, могла, но не имела независимого подтверждения. Представь старую обсерваторию, которая веками сверяет часы сама с собой. Когда появляется второй хронометр, она наконец понимает, насколько ошибалась.

— — И открывает дверь?

— Дверь, вероятно, служит техническим доступом. Её открытие могло быть частью проверки.

Александр задумался.

— Ты говоришь так, будто станция — обычная машина.

— А почему нет? Мы приписываем ей намерения только потому, что не понимаем её устройства.

— Машина возрастом в сотни тысяч лет, которая сама чинит свои системы и обменивается сигналами с узлом, положение которого нам пока неизвестно.

— Возраст не делает механизм разумным.

В разговор вмешался АРГО:

— София права в одном существенном отношении. В полученных сигналах не обнаружено признаков диалога. Станция выполняет предписанную последовательность и передаёт отчёты о состоянии.

— Кому? — спросил Александр.

— В служебном поле повторяется обозначение, которое с учётом новых данных можно перевести как «Центральный диспетчер». Местонахождение получателя не установлено; перевод предварительный.

София медленно повернулась к динамику.

— Раньше ты не мог перевести это обозначение.

— Теперь располагаю дополнительными совпадениями между пакетами. Ранее перевод имел слишком много вариантов.

— А если диспетчера больше нет? — спросил Александр.

— Тогда станция продолжает отправлять отчёты получателю, который не отвечает, — пояснил АРГО.

София посмотрела на изображение колонны.

— Машина без хозяина.

* * *

Они проверяли эту гипотезу до полудня. В архиве нашлись записи других комплексов, и в записях каждой обнаружились похожие служебные пакеты. Различались частоты, интервалы, степень повреждения. Но структура оставалась общей: проверка, отчёт, ожидание.

На третьей планете комплекс, расположенный неподалёку от Нового берега, тоже выполнял такой цикл. Только его отчёты обрывались после третьей строки.

— Повреждение? — предположил Александр.

— Или отключённый канал, — ответила София. — Пока не ясно.

Капитан Громов, вызванный в лабораторию, выслушал доклад без единого вопроса. Затем попросил показать карту.

— Если на каждом из шести миров стоит такая машина, почему строители разделили сеть между планетами?

Руденко, присоединившийся по связи с поверхности, ответил первым:

— Условия разные. На одной планете легче добывать металлы, на другой — использовать температурные перепады, на третьей — подповерхностную воду.

— Это объясняет заводы, — возразил капитан. — Но не сеть переходов.

— Возможно, каждый комплекс выполняет свою функцию, — сказала София. — Мы пока знаем только о диагностике второго.

— Тогда не будем делать выводов за остальные пять,

— решил Громов. — Составьте план наблюдений без высадки. На Элионе-2 повторный полёт пока запрещаю.

Александр открыл рот, но капитан поднял руку.

— Нет. Я знаю все твои доводы. Сначала убедимся, что станция не собирается повторить землетрясение. Потом решим, можно ли снова отправлять туда людей.

— Согласен, — неожиданно сказал Александр.

Громов прищурился.

— Это подозрительно.

— Я учусь.

— Надеюсь, не слишком поздно.

* * *

Прежде чем отпустить сотрудников, Громов задержал Софию у двери лаборатории.

— Скажите мне без графиков: если эта станция работает сама по себе, насколько опасно оставлять её без присмотра?

— Не знаю, капитан. Мы видели, как она поднимает сооружение из-под грунта. Выделившейся при подъёме конструкции энергии хватило бы, чтобы уничтожить наш челнок. Но из этого не следует, что она способна воздействовать на орбиту или на другие планеты.

— Мне нужно знать, какие меры можно принять уже сейчас.

— Тогда начнём с непрерывных измерений. Без них я не назову вам даже приблизительных сроков.

Громов вздохнул. Александр ожидал резкого ответа, но капитан лишь провёл пальцем по краю карты.

— На Надежде живут семьи. У них нет возможности сесть в челнок по первому сигналу тревоги. Я обязан знать хотя бы, сколько времени у нас будет на эвакуацию, если одна из этих машин начнёт работать неправильно.

— Пока не знаем даже, что считать неправильной работой, — призналась София. — Зато можем установить пределы наблюдаемого. Будем отслеживать тепловое излучение, гравитационные возмущения, движение грунта и радиопередачи. И выставить пороги тревоги ниже прежних.

— — Насколько ниже?

— Настолько, что Руденко будут трижды за ночь поднимать из постели из-за обычного камнепада.

— Он переживёт.

— Он — да. А дежурная смена вас возненавидит.

— Пусть, — сказал Громов. — Ненависть дежурной смены входит в обязанности капитана.

На общем экране АРГО вывел предложения: дополнительные датчики на орбите второго мира, непрерывная запись слабых импульсов на Надежде и отдельная линия связи с колонией. Для этого пришлось бы перераспределить часть вычислительных мощностей, предназначенных для картографирования будущих поселений.

— Карты задержатся, — заметил Александр.

— А если мы ошибёмся с оценкой опасности, поселениям они могут вовсе не понадобиться, — ответил Громов. — Переносите ресурсы.

София не сразу выключила экран.

— Есть ещё одна странность, — сказала она. — В служебных пакетах станция называет собственную диагностику «проверкой соответствия». Не «проверкой исправности» и не «оценкой состояния». Соответствия чему-то внешнему.

— Эталону? — предположил Александр.

— Возможно. Но у нас нет ни самого эталона, ни описания того, что произойдёт, если проверка окажется неудачной.

Капитан посмотрел на неё с выражением человека, которому только что сообщили о новой неисправности двигателя.

— Вот с этого, София, и следовало начинать.

* * *

В четырнадцать часов семнадцать минут по корабельному времени внешняя обсерватория передала сообщение о новом манёвре неизвестного флота.

Девять крупных кораблей по-прежнему находились вблизи седьмого узла, но один из них отделился от общего строя и начал движение в сторону внутренней части системы.

— Курс? — спросил Громов, прибывший на мостик.

— Его текущая траектория сближает его с орбитой Элиона-2, — ответил АРГО. — Конечную точку манёвра пока определить нельзя.

— Есть признаки подготовки оружия?

— Достоверных признаков нет. Зафиксирован рост энергопотребления двигателей.

Александр подошёл к экрану.

— Возможно, они заметили включение станции.

— Они не могли его не заметить, — сказал капитан.

— Вопрос в том, что собираются делать.

— Можем послать запрос.

— Уже послали. На прежнем земном протоколе. Ответа нет.

На экране чужой корабль медленно изменил ориентацию. Его длинный корпус отразил свет Элиона, и на мгновение стали видны многочисленные надстройки вдоль борта.

— Он не идёт прямо к планете, — заметила София.

— Посмотрите на поправку курса. Если она сохранится, корабль пройдёт мимо.

АРГО увеличил траекторию.

Судя по текущим измерениям, корабль шёл не прямо к наземной станции: его траектория пересекала плоскость орбиты второй планеты в стороне от неё.

— Возможно, они хотят провести наблюдения с меньшей дистанции, — предположил Александр.

— Или перекрыть нам путь к ней, — сказал Громов.

— Пока траектория допускает оба объяснения.

В этот момент пришёл ответ на запрос.

Сообщение оказалось длиннее прежних. Переводчик распознал основную часть сообщения, хотя несколько технических выражений оставил с пометкой о неоднозначности.

«Командованию корабля „Одиссей“. По нашим наблюдениям, после вашей экспедиции изменилось состояние второй опорной системы. Просим воздержаться от повторного вмешательства до установления прямой связи. Мы располагаем сведениями о возможных последствиях. Предлагаем переговоры».

Ни подписи, ни имени отправителя не было.

Громов перечитал текст.

— Наконец-то они решили разговаривать.

— Не представившись, — заметил Александр.

— Представятся. Если захотят, чтобы мы им ответили.

Капитан повернулся к АРГО:

— Передай: «Предложение принято. Укажите состав делегации, место и условия встречи. До согласования мы не будем активировать древние устройства, но оставляем за собой право наблюдения и исследования планет».

— Передаю.

Ответ пришёл через одиннадцать минут.

«Предлагаем встречу на исследовательской станции между третьей и четвёртой планетами. Станция должна быть предварительно осмотрена обеими сторонами. Наша делегация — четыре человека. Руководитель — командующий Виктор Сарен. Время прибытия сообщим после согласования мер безопасности».

Александр невольно улыбнулся.

— Виктор Сарен. По крайней мере, у загадки появилось имя.

Громов не улыбнулся.

— Имя — ещё не гарантия добрых намерений.

— Но уже начало разговора.

Капитан задумчиво посмотрел на карту. На ней светились отметки шести планет, внешнего узла и чужого корабля, двигавшегося к орбите Элиона-2.

— АРГО, — сказал он, — подготовь справку обо всех известных нам земных экспедициях, исчезнувших до катастрофы. Даже о тех, которые официально считались неудачными.

— Для чего, капитан?

— Хочу понять, откуда у командующего неизвестного флота человеческое имя и знание нашего языка. И почему он так долго не назывался.

Александр перевёл взгляд на окно. За ним медленно поворачивалась голубовато-зелёная планета, на которой люди строили новый дом.

Древние машины просыпались одна за другой. Неизвестный флот наконец заговорил. И где-то за пределами шести миров стояла невидимая древний узел, которому подчинённые станции продолжали отправлять отчёты, хотя их создатели, возможно, исчезли задолго до появления человека.

Александр вдруг понял, что самый тревожный вопрос ещё не задан.

— АРГО, если центральный диспетчер не отвечает, кто подтвердил подключение второго узла?

Искусственный интеллект выдержал необычно долгую паузу.

— Подтверждение пришло не от центрального диспетчера, — произнёс он наконец.

— Откуда же?

— Из внутреннего управляющего контура станции. Для него станция использовала полномочия, обозначенные в её архиве как аварийные.

— То есть станция обошлась без разрешения диспетчера?

— Она выполнила предусмотренную аварийную процедуру. Из этого не следует, что ей доступны другие команды без подтверждения диспетчера.

Громов медленно повернулся к Александру.

— Мне это совсем не нравится.

— Мне тоже, — ответил Александр. — Потому что, если она может принимать решения без хозяина, нам ещё предстоит выяснить, какие именно решения ей разрешено принимать.

В углу навигационного экрана появилась новая строка служебной телеметрии:

«Опорная система три. Подготовка к проверке».

АРГО сохранил строку в журнале и пометил для следующего доклада. Пока люди на мостике обсуждали предстоящие переговоры, в журнале АРГО уже появилась запись о начале проверки третьей опоры.

Глава 5. Неожиданные гости

Встреча двух человеческих цивилизаций началась с неисправного стыковочного замка.

— Не подходит, — сообщил Дмитрий Соколов, рассматривая схему на боковом экране. — Диаметр их стыковочного кольца больше нашего на семь сантиметров. Семь сантиметров! Я видел ошибки посерьёзнее, но редко встречал столь обидные.

— Они прислали чертежи, — напомнил капитан Громов.

— Прислали. От переходника, который, по всей видимости, лежит в их музее. На присланном чертеже три опорных пальца, а на самом кольце их четыре.

Транспорт Странников, назвавшийся «Вестником», висел в двухстах метрах от старой орбитальной станции между третьей и четвёртой планетами Элиона. Когда-то станцию использовали автоматические геологические аппараты «Одиссея». Теперь её отсеки заполнили воздухом, установили дополнительные фильтры и отвели два независимых коридора для гостей и хозяев. Место выбрали не случайно: станция не принадлежала ни одному флоту в привычном политическом смысле и не имела вооружения, способного сделать её захват выгодным.

За стеклом транспорт Странников казался вырезанным из тёмного металла. В свете местной звезды на его обшивке проступали золотистые линии, словно следы старого ремонта.

— Предлагаю резервный переходник, — сказал Александр Воронцов. — Сначала закрепляем переходник, затем отдельно проверяем герметичность. Никаких общих воздушных магистралей.

— Минут двадцать работы, если они не решат нам помогать, — ответил Дмитрий и включил связь. — «Вестник», ваш стыковочный стандарт не совпадает с нашим.

— Ваш механизм устарел, — отозвался молодой мужской голос.

— Насколько?

— Нашему стандарту двести лет. А вашему?

— Около пятисот.

— Тогда всё понятно.

Дмитрий выключил микрофон.

— Уже нравится мне этот парень.

— Ты говоришь так о каждом пилоте, с которым успеваешь поссориться до знакомства, — заметила София Лебедева.

— Неправда. С некоторыми я ссорюсь после знакомства.

К стыковочному узлу в скафандрах вышли два техника «Одиссея». Через пять минут из «Вестника» появился третий — высокий человек с компактным набором инструментов, прикреплённым к поясу. Вместо того чтобы спорить по связи, он подлетел к переходнику, осмотрел крепления и показал на одну из опор. Дмитрий наблюдал за ним через наружную камеру.

— Видите? Он хочет снять кожух.

— Может, так будет удобнее, — предположил Александр.

— Ему — несомненно. Нам потом полдня собирать.

Но незнакомец не стал ничего ломать. Он вынул складную измерительную рейку, приложил её к кольцу и передал новые размеры. Через двадцать три минуты переходник закрепили и стыковку завершили. Проверка давления заняла ещё двенадцать. Давление оставалось стабильным: первая совместная работа людей, разделённых столетиями неизвестной истории, завершилась успешно.

— Запишите в журнал, — сказал Дмитрий. — Дипломатические отношения установлены при помощи гаечного ключа.

* * *

Елена Миронова настаивала на строгом медицинском режиме, и на этот раз никто не пытался спорить с биологом. Воздух по обе стороны переговорной перегородки циркулировал в независимых контурах; делегации общались через прозрачную перегородку, а образцы воды и микрофлоры передавали только в герметичных контейнерах через шлюз для проб. Сами гости были людьми, но их замкнутые корабельные экосистемы могли содержать микроорганизмы, не встречавшиеся в земных медицинских архивах.

— Мы не устраиваем карантин из недоверия, — объяснила Елена начальнику службы безопасности. — Если на их кораблях есть безобидная для них бактерия, у нас она может вести себя иначе. И наоборот. Не хотелось бы, чтобы первый договор закончился эпидемиологическим отчётом.

— А рукопожатия? — спросил охранник.

— Позже. Сначала познакомимся на расстоянии.

Первым из шлюза вышел высокий седоватый мужчина со старым шрамом над правой бровью. Он остановился у линии, обозначавшей границу нейтрального сектора, и дождался, пока откроется внутренняя дверь.

— Командующий Виктор Сарен. Союз Странников.

— Капитан Виктор Громов. «Одиссей».

— Виктор? Любопытное совпадение.

— Надеюсь, не последнее приятное обстоятельство встречи.

Сарен представил своих спутников. Алиса Норд, генетик и руководитель медицинской лаборатории, держалась прямо и говорила негромко, зато каждое её слово было отчётливым. Главный инженер Вера Каст несла планшет с потёртым корпусом и то и дело поглядывала на соединения стеновых панелей. Последним появился молодой пилот Максим Корд — тот самый человек, который помог установить переходник снаружи.

Дмитрий встретил его у смотрового окна.

— Значит, вашему стандарту двести лет?

— Если считать с последней ревизии, сто девяносто шесть.

— И за это время никто не придумал четвёртый размерный чертёж?

— Придумали. Только он остался на другом корабле.

Они посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись.

— Максим, — окликнула Вера, — постарайся не оскорбить их оборудование раньше начала переговоров.

— Я только посмотрел на шлюз.

— Ты уже успел назвать его ловушкой.

— Я сказал «потенциальная ловушка». Это технический термин.

— В нашем флоте, — заметил Дмитрий, — технические термины обычно произносят после испытаний.

— Тогда нам будет о чём поговорить.

Небольшой разговор сделал больше, чем тщательно подготовленное приветствие. Громов заметил это и впервые за всё утро позволил себе расслабить плечи.

* * *

Переговоры начались без гимнов, флагов и длинных речей. На стол поставили два одинаковых терминала, между которыми отсутствовала прямая электронная связь. Секретари обеих сторон записывали разговор независимо.

— Полгода ваши корабли держались позади нас, — сказал Громов. — Меняли скорость одновременно с «Одиссеем», но не отвечали на запросы. Почему?

Сарен не стал отрицать очевидного.

— Мы не знали, кто вы. Ваш корабль появился в системе, которую наши предки искали много поколений. Вы были достаточно велики, чтобы перевезти население небольшого города, и достаточно хорошо вооружены, чтобы представлять опасность.

— «Одиссей» не боевой корабль.

— Теперь я это вижу. С расстояния в несколько миллионов километров различие не так заметно.

— Почему не вышли на связь, когда убедились, что мы люди?

— Потому что обнаружили, что вы уже взаимодействуете с древними станциями. Мы потеряли корабль при похожем исследовании. Я опасался, что неполное предупреждение вызовет панику или подтолкнёт вас к опасному опыту.

— Вы считали, что лучше следить молча?

— Я считал, что у меня нет хорошего решения. Это не оправдание. Это ответ.

Громов откинулся на спинку кресла. Откровенность собеседника сбивала его с привычного хода переговоров: спорить с человеком, признававшим свои просчёты, было труднее.

— Начнём с простого. Откуда вы прибыли?

— Наши предки — с Земли.

— Когда?

Сарен назвал дату из собственного календаря. АРГО перевёл её в принятую на «Одиссее» земную хронологию и вывел на экран с примечанием: точность пересчёта зависела от сохранности ранних хронологических таблиц Странников. Даже с этой оговоркой получалось, что первая экспедиция покинула Землю задолго до появления у человечества надёжных межзвёздных двигателей.

София наклонилась к микрофону.

— В указанную эпоху таких кораблей не существовало. По крайней мере, ни один известный нам земной промышленный комплекс не мог построить аппарат с подобной энергетикой.

— Возможно, ваши архивы неполны, — ответил Сарен.

— Тогда покажите свои.

— Покажем то, что сохранилось. Но я сразу предупреждаю: наши историки спорят о датах не меньше ваших инженеров — о способах стыковки.

На экране возник старый корабль: короткий цилиндрический корпус, фермы, резервуары и громадное кольцо вокруг центральной секции. Изображение было составлено по нескольким чертежам и фотографии с заметными повреждениями.

— «Исход-1», — сказал Сарен. — По преданию, именно он вывел наших предков за пределы Солнечной системы.

— У него нет маршевого двигателя, способного на такой полёт, — заметил Александр.

— Он пользовался переходным коридором.

— Кто построил коридор?

— Не знаем.

— А кольцо?

— И это спорный вопрос. Одни документы называют его частью земного корабля, другие — оборудованием, которое экипаж получил уже после отправления.

София увеличила изображение. Сходство с сооружением на второй планете бросалось в глаза: те же концентрические направляющие, та же несимметричная система креплений.

— Если эта схема подлинная, — сказала она, — ваши предки пользовались технологией, которую не понимали полностью.

— Вы нашли дверь в древней станции и вошли в неё,

— ответил Сарен. — Полагаю, мы способны понять друг друга.

Александр сдержал улыбку. В этом замечании было больше правды, чем хотелось признавать.

* * *

На перерыве делегации разошлись по двум сторонам прозрачной перегородки. Елена передала Алисе набор медицинских протоколов, и та почти сразу указала на несовпадение в таблице иммунологических маркеров.

— У вас эти показатели относятся к возрастной норме, — сказала Алиса. — У нас диапазон другой.

— Насколько давно?

— Не меньше шести поколений. Возможно, гораздо дольше. Старые записи неполны.

— А генетические последовательности, о которых вы упоминали в предварительном пакете?

Алиса задержала взгляд на экране.

— Есть участки, необычно мало изменившиеся за поколения. Но это не означает, что мы нашли следы чьего-то вмешательства. На замкнутом флоте возможны последствия отбора и длительного родственного скрещивания, которые трудно отделить от искусственных изменений.

— Вы проверяли их на нейтральных маркерах?

— Пытаемся. Нам не хватает образцов старых поколений и независимой контрольной популяции.

Елена поняла, почему собеседница так осторожна. Для учёного ошибочный вывод означал испорченную работу. Для людей, чьё происхождение обсуждали, он мог обернуться страхом и политическими обвинениями.

— Если договоримся об обмене обезличенными данными, — сказала Елена, — сможем проверить гипотезы без громких заявлений.

— Я на это рассчитываю. Только не называйте нас потом новой разновидностью человечества.

— Пока мы спорим о медицинских таблицах, у меня нет оснований считать вас кем-то иным, кроме людей.

Алиса впервые улыбнулась.

В соседнем отсеке Вера Каст и София Лебедева разбирали графики древних станций. Вера долго изучала энергетическую карту, затем указала на пустую область между двумя опорными комплексами.

— Вы ищете передачу мощности здесь?

— Да. Если шесть станций синхронизируются, между ними должны существовать каналы передачи данных, а при обмене мощностью — и способ её переноса.

— Должен существовать механизм, — согласилась Вера. — Но не обязательно такой, который виден вашим датчикам. Мы однажды потратили девять лет, пытаясь измерить ток в кольце «Исхода-1». Потом выяснилось, что часть сигналов удаётся зарегистрировать лишь при определённой ориентации установки в гравитационном поле.

— Это не отменяет закона сохранения энергии.

— Я и не предлагаю его отменять. Я предлагаю перестать считать, что наши приборы видят всё.

София задумалась.

— У вас остались результаты тех измерений?

— Если Совет разрешит доступ.

— Удобная фраза.

— На наших кораблях она заменяет половину ругательств.

* * *

В столовой нейтральной станции приготовили два одинаковых набора пищи, но даже это породило затруднение. У Странников существовали собственные пищевые стандарты; перено-

симость некоторых их пищевых белков для экипажа «Одиссея» ещё не проверяли. Поэтому каждая делегация ела своё.

— У вас настоящий хлеб? — спросил Максим, разглядывая тарелку Дмитрия через стекло.

— Настоящий. Выращиваем зерно на Надежде.

— На кораблях у нас тоже выращивают зерно. Только чаще перерабатывают его в питательную пасту.

— Звучит как преступление.

— Зато пасту удобно хранить.

— А хлеб удобно есть.

Максим посмотрел на свой контейнер.

— Пожалуй, нам действительно нужна планета.

Шутка прозвучала слишком искренне. Дмитрий заметил, как у собеседника изменилось лицо.

— Вы давно не садились на поверхность?

— Я — никогда. Только на искусственные платформы. Наш флот останавливался у нескольких миров, но там нельзя было жить: атмосфера была ядовитой, радиационный фон — слишком высоким или не находилось доступной воды. Мы добывали сырьё и уходили.

— А дети?

— Рождаются на кораблях. Учатся в корабельных школах. Для многих открытое небо существует только на экране, даже в старости.

Дмитрий помолчал.

— На Надежде бывают грозы. Сильные. Вчера молния ударила в мачту у теплиц.

— Звучит опасно.

— Так и есть. Но люди всё равно выходят смотреть.

Максим кивнул, словно пытался представить удовольствие от явления, которое любой корабельный техник счёл бы аварией.

* * *

После перерыва Сарен сам вернулся к вопросу, который обе стороны обходили с самого начала.

— У нас девять кораблей, — сказал он. — На них живут около восьмидесяти шести тысяч человек. Большинство судов построено на верфях, которых больше не существует. Некоторые узлы мы не умеем производить заново. Мы снимаем детали с одного двигателя, чтобы отремонтировать другой.

— Вы просите убежища? — спросил Илай, присутствовавший по защищённой связи с Нового берега.

— Пока я прошу не считать нас врагами. Дальше нам потребуется договор о ремонте, воде, медицинской помощи и возможности исследовать планеты. Без гарантий я не могу обещать, что мой Совет будет ждать бесконечно.

— Это угроза?

— Это признание положения, в котором мы оказались.

Громов положил ладони на стол.

— На Надежде у нас лишь одно поселение, которое само зависит от орбитальных поставок. Мы не можем принять восемьдесят шесть тысяч человек завтра.

— Я и не прошу завтра. Но если мы начнём с инженерных групп и карантинной станции, через год мы сможем обсуждать иной масштаб переселения.

— Кто обеспечит соблюдение соглашений?

— Совместная комиссия. С правом каждой стороны остановить работы, если они угрожают людям или древним сооружениям.

— Особенно древним сооружениям, — заметила София.

Сарен повернулся к ней.

— Именно. Тридцать один год назад мы потеряли исследовательский корабль возле внешнего узла. Мы считали, что пытаемся понять его устройство. На деле не знали даже, что именно проверяем.

— Вы пытались открыть переход? — спросил Александр.

Сарен помедлил.

— Так это называли в наших отчётах. Сейчас я не уверен, что термин был правильным. Аппаратура послала испытательный импульс. После этого «Пилигрим» исчез.

— Экипаж погиб?

— У нас нет доказательств гибели. Но нет и доказательств спасения.

— Сколько человек было на борту?

— Шестеро.

Сарен произнёс число ровно, без паузы. Александр заметил, что командующий при этом сжал край планшета так сильно, что побелели пальцы. Вопрос явно был для него не отвлечённым.

— Мы готовы обменяться измерениями, — сказал Громов. — Но без доступа к управляющим контурам и без новых опытов у узла, пока обе стороны не согласуют безопасную процедуру.

— Принимаю как предварительное условие.

— И ещё одно. Пока мы не проверим медицинские риски, никакой свободной высадки.

— Согласен.

Илай нахмурился на экране.

— Капитан, Совет колонии ещё не давал разрешения на переговоры о поселении Странников.

— И я не подписываю договор о поселении, — ответил Громов. — Я договариваюсь о том, чтобы до заседания Совета никто не начал стрелять и никто не запустил неизвестную машину.

Сарен впервые рассмеялся громко.

— У нас, капитан, удивительно похожие обязанности.

* * *

Когда делегации вернулись к шлюзам, «Вестник» уже приготовился к расстыковке. Максим задержался возле Дмитрия.

— В следующий раз привезу правильный чертёж.

— А я проверю, существует ли у вас правильный хлеб.

— Договорились.

Вера и София обменялись пакетами измерений через одноразовые накопители. Алиса получила список допустимых биологических тестов и обещала передать результаты без сведений, позволяющих установить личности пациентов.

Сарен остановился перед Александром.

— Я видел запись вашей экспедиции на второй мир. Вы вошли в комплекс, который сам начал работать.

— Мы не знали, что он запустится.

— Именно поэтому прошу вас не приближаться к внешнему узлу в одиночку. Он не похож на планетные станции. Мы наблюдали явления, для которых у нас до сих пор нет надёжных расчётов.

— Вы расскажете о них?

— Да. Но не сегодня. Часть записей лежит в закрытом архиве. Мне придётся убедить Совет.

— У вас трудный Совет?

— Такой же, как у всех людей. Особенно когда дело касается старых ошибок.

«Вестник» отошёл от станции медленно, почти торжественно. Выхлоп его маневровых двигателей на мгновение засветился голубым. Через несколько минут транспорт превратился в светлую точку на фоне огромного диска четвёртой планеты.

— Неожиданные гости, — произнёс Дмитрий. — И неожиданно разговорчивые.

— Разговорчивые ровно настолько, чтобы не отвечать на половину вопросов, — возразила София.

— А мы ответили на все?

Она посмотрела на него.

— Нет.

— Тогда, может быть, это начало честных отношений.

* * *

Вечером Александр и София вернулись к изображению «Исхода-1». Громов разрешил поиск по закрытым техническим архивам «Одиссея», но запретил подключать новые документы к управляющим системам корабля.

— АРГО, найдёшь конструктивные совпадения с этим кольцом? — спросил Александр.

— Обнаружены три теоретических земных проекта. Два относятся к экспериментальным гравитационным установкам. Третий имеет частичное геометрическое совпадение с представленной схемой.

На экране возник чертёж. Его датировали несколькими десятилетиями до катастрофы, погубившей Землю. Внутренний контур почти точно повторял элемент кольца «Исхода-1».

— Проверь дату, — попросила София.

— Дата подтверждена по независимым архивным копиям. Сведения об авторах засекречены. Проект входит в закрытую программу «Наследие».

— Можно открыть основное досье?

— Доступ ограничен. Часть данных помещена в автономный архивный модуль и не входит в мою активную память.

Александр наклонился ближе к экрану.

— Выходит, наши учёные знали форму этого устройства. Но, если верить Странникам, их корабль появился намного раньше чертежа.

— Или хронология Странников ошибочна, — ответила София. — Или на Земле нашли образец чужой техники и сделали собственную копию. Или обе истории неполны.

— Какой вариант тебе нравится?

— Ни один. Я предпочла бы четвёртый: что мы просто неверно прочли размеры. Но размеры, к сожалению, совпадают.

АРГО добавил к чертежу маленькую пометку: «Источник исходных параметров не указан».

— Сохрани изолированную копию, — сказал Александр. — До проверки доступ разрешён только капитану и нашей группе.

— Выполнено.

София выключила экран. В лаборатории стало темнее; за иллюминатором виднелась Надежда — зелёная, облачная, с тонкой серебристой полосой рассвета у края.

— Сарен утверждает, что его предки покинули Землю, — сказала она. — Но не знает, кто построил для них дорогу.

— Или не говорит.

— Возможно. А наши собственные архивы молчат ничуть не меньше.

Александр вспомнил встречу: потрёпанный планшет Веры, осторожные вопросы Алисы, странную тоску в голосе Максима, когда тот спрашивал о дожде. Эти люди не походили на

посланцев загадочной цивилизации. Они походили на пассажиров старого корабля, которым наконец показали берег, но ещё не разрешили сойти на землю.

— Они прилетели не за древней машиной, — сказал он. — Во всяком случае, не только за ней. Им негде жить.

— А у нас есть планета, которую мы едва начали понимать.

— Значит, нам придётся научиться делиться и не погибнуть от собственного любопытства.

— Две задачи, — заметила София. — И обе человечество решает не слишком успешно.

На далёкой планете люди строили дома, спорили о насосах и выращивали первый урожай. Они надеялись, что оставили прошлое позади. Но прошлое пришло к ним на корабле с неисправным стыковочным замком и попросило место за переговорным столом.

Глава 6. Шестая печать

На Тенебрисе не было ни рассветов, ни сумерек в том смысле, какой вкладывали в эти слова люди, выросшие под земным небом. Далёкая звезда Элиона давала так мало света, что ледяные гребни и поля замёрзших газов терялись в сумраке. При температуре ниже минус ста восьмидесяти градусов Цельсия даже металлы требовали особого обращения: сплав, надёжный в машинном отделении, здесь мог стать хрупким и расколоться от удара.

На глубине четырнадцати километров, где температура зависела уже не только от холода поверхности, но и от тепла недр, находилось сооружение, которое не принадлежало ни одной человеческой эпохе. Ни один звук оттуда не мог достичь поверхности. Но в ту ночь его энергетические каналы изменили состояние, и приборы «Одиссея» зарегистрировали на орбите шестой планеты слабое, но необычайно регулярное возмущение.

— Александр, проснитесь.

Воронцов открыл глаза. Часы показывали три семнадцать. В каюте было темно; только над дверью горела узкая полоска ночного освещения.

— Если это опять неисправность кухонного синтезатора, передай дежурному, что я инженер по древним машинам, а не по котлетам.

— Активность комплекса на шестой планете выросла в сорок три раза относительно фонового уровня.

Сон исчез мгновенно.

— Относительно какого фонового уровня?

— Среднее значение за последние двое суток. Увеличение наблюдается в узком диапазоне колебаний гравитационного поля.

Рядом пошевелилась Елена.

— Они никогда не научатся включаться после завтрака?

— Вряд ли, — ответил Александр, нащупывая одежду. — У них нет нашего расписания.

— У тебя тоже скоро не останется.

Он задержался у кровати. Елена смотрела на него с тем выражением, в котором беспокойство уже давно научилось обходиться без упрёков.

— Пока никто никуда не летит, — сказал он.

— Запомню эту формулировку. Ты произносишь её перед каждой экспедицией.

Через двадцать минут Александр был в лаборатории. По дороге он успел выпить слишком горячий кофе, обжечь язык и получить от АРГО шесть таблиц, из которых четыре даже не успел открыть.

София Лебедева встретила его без приветствия.

— Посмотри на временные отметки.

На главном экране располагались два графика. Один принадлежал приборам «Одиссея», другой — девяти кораблям Союза Странников. Линии повторяли друг друга, но их пики приходились на разные моменты времени.

— Их приборы зарегистрировали событие на одиннадцать минут раньше наших, — сказал Александр.

— И это при том, что флот дальше от Тенебриса, — добавила Вера Каст, стоявшая рядом с капитаном Громовым.

Вера прибыла на «Одиссей» с нейтральной станции всего несколько часов назад. Её инструменты были разложены на столе так аккуратно, словно она собиралась не обсуждать опасность для планетной системы, а чинить домашний водопровод.

— Сигнал распространяется быстрее света? — спросил Громов.

— Пока оснований для такого вывода нет, — ответила Вера. — Наши датчики не принимают сигнал от шестой планеты. Они сравнивают локальные изменения поля с собственным эталоном. Если изменение распространяется по иной геометрии, расстояние между наблюдателями может оказаться не тем, что мы измеряем обычной навигацией.

— Или часы расходятся, — заметил Александр.

— Сверили показания по независимым атомным эталонам, — сказала София. — Расхождение меньше миллисекунды. Но причина события нам неизвестна.

Громов указал на шестую планету.

— Что именно включилось?

— Судя по гравиметрии, кольцевая структура на глубине четырнадцати километров, — ответил АРГО. — Диаметр предполагаемого плотного контура — около девяти километров. Внутреннее устройство не определено.

— Девять километров, — повторил капитан. — Такую неисправность мелкой не назовёшь.

— Мы ещё не знаем, неисправность ли это, — сказала София. — Станция может проводить обычную самопроверку.

— Обычная самопроверка, о которой никто не предупредил, — пробормотал Громов. — На таком оборудовании я бы уволил начальника смены.

Вера развернула схему из архивов Странников. Шесть окружностей располагались вокруг седьмой, вынесенную за пределы орбит планет. Между ними тянулись линии, напоминавшие связи электрической сети.

— Мы называем это Шестой печатью, — сказала она.

— Не потому, что так написано на табличке. Это перевод старого термина, который повторяется в наших инженерных записях.

— Печать на шестой планете? — уточнил Александр.

— И шестой уровень защиты. Не исключено, что древнее слово имело оба значения.

— Тогда не будем делать вид, будто уже поняли устройство, — предложила София.

* * *

Командующий Виктор Сарен появился на экране связи через час. Его лицо казалось серым от усталости, а за плечом виднелась тесная рубка старого флагмана, где несколько офицеров работали стоя: свободных мест не хватало.

— Вера сообщила, что вы обнаружили попытку синхронизации, — сказал он.

— Она сообщила больше, чем вы рассказывали нам на переговорах, — ответил Громов. — Теперь ваша очередь.

Сарен не стал спорить.

— Шестая станция связана с центральным узлом. Когда её защита ослаблена, узел может получить разрешение на действие, которого остальные пять станций не подтвердили.

— Какое действие?

— Формирование перехода. Но у нас нет доказательств, что это единственное назначение узла.

— И насколько опасна ошибка?

— Тридцать один год назад мы потеряли корабль «Пилигрим».

Громов сложил руки на груди.

— Эту историю мы слышали. Меня интересуют данные, а не предупреждение, которое удобно повторять, не показывая расчётов.

Сарен обернулся к кому-то за пределами кадра. Минуту спустя на общий сервер поступил пакет архивных схем. Вера проверила контрольную сумму и только после этого открыла его.

— Впервые вижу, чтобы вы делились файлами без трёхчасового спора, — заметила она.

— Не привыкай, — ответил Сарен. — На этот раз у нас мало времени.

Схема оказалась сложнее той, что показывали прежде. Шесть опор не просто сходились к центральному кольцу. Каждая измеряла собственную величину: энергетический баланс, пространственную калибровку, состояние биологической среды, устойчивость поля, отвод тепла и состояние блокировки. Расшифровка последних обозначений ещё требовала проверки, но назначение шестой опоры угадывалось по цепочке запретов.

— Значит, это не шесть ключей к двери, — сказал Александр. — Скорее шесть условий, при которых дверь вообще допустимо трогать.

— Точнее, шесть независимых проверок, — поправила София. — И шестая должна останавливать процесс, даже если остальные считают его возможным.

— Вроде аварийного клапана, — произнёс Громов.

— Только клапан здесь удерживает не давление пара, — сказала Вера. — По крайней мере, не то давление, которое мы умеем измерять.

АРГО сопоставил надписи с материалами Хранителей и вывел приблизительный перевод: «ПРОВЕРКА УДЕРЖИВАЮЩЕГО КОНТУРА. ПРИ НЕСООТВЕТСТВИИ ПЕРЕХОД ЗАПРЕЩЁН».

— Аварийный обход существует? — спросил Александр.

— Судя по архиву, да, — ответила София. — Но его нельзя выполнить простой командой. Требуются полномочия, которых у нас нет.

— Вот это мне нравится, — заметил Громов. — Впервые древняя машина проявляет здравый смысл.

— Не радуйтесь заранее, капитан, — возразила Вера. — Мы пока не знаем, кто может обойти защиту.

* * *

В это время на Надежде Елена Миронова встречала Алису Норд. Биологическая лаборатория Нового берега помещалась в двух соединённых модулях. Один пах дезинфицирующим раствором, другой — влажной землёй: там выращивали первые культуры местных растений.

Алиса остановилась возле прозрачного ящика с молодыми побегами.

— Настоящие корни в настоящей почве, — сказала она. — Наши дети увидели бы в этом музейный экспонат.

— Эти растения ещё не едят, — ответила Елена. — Мы изучаем их обмен веществ. На вид они безобидны, но это плохой критерий безопасности.

— У нас была колония, где растения тоже казались безобидными.

Алиса достала архив. Двадцать лет поселение Странников развивалось успешно, пока у детей не участились иммунные нарушения. Причину искали в микробах, радиации, воде, даже в материалах жилых куполов. В конце концов выяснилось, что местная биохимия постепенно меняла состав пищевых цепочек; не один яд, а сотни малых отклонений действовали совместно.

— Мы эвакуировали колонию, — сказала Алиса. — После этого Совет стал гораздо осторожнее с обещаниями новых миров.

— Вы привезли данные для совместной программы?

— Да. И ещё одну вещь.

На экране появилась схема человеческой хромосомы. Красные отметки указывали на повторяющиеся участки в геномах неродственных семей Странников.

Елена придвинула кресло.

— Общий предок и сильный отбор могут дать похожую картину.

— Я проверяла это пятнадцать лет. Совпадений слишком много, особенно в участках, связанных с восстановлением клеток после электромагнитного воздействия.

— Слишком много для какой модели?

— Для всех моделей, которые мы проверили. Я не утверждаю, что знаю происхождение изменений.

— Это важное различие.

Алиса невесело улыбнулась.

— На наших кораблях уже нашлись люди, которые считают такие участки доказательством особого предназначения. Другие уверены, что мы перестали быть людьми. И тем и другим хотелось бы показать расчёты, прежде чем они придумают нам новую историю.

Елена открыла протокол сравнения.

— Начнём с контрольных образцов. И не будем искать в хромосомах право командовать древними машинами. Для этого нужны совсем другие доказательства.

* * *

К полудню «Одиссей» и флот Странников согласовали программу дистанционных измерений Тенебриса. Отправлять экипажи на поверхность не собирались. Чтобы пробурить четырнадцать километров породы не хватило бы ни оборудования, ни времени; оставалось изучать внутреннюю структуру гравиметрией, нейтринными датчиками и анализом отражённых низкочастотных волн.

— Мы видим кольцо, но не можем сказать, полое оно или сплошное, — докладывал Алексей Руденко по связи с планеты. — И прежде чем кто-нибудь предложит туда спуститься, напомню: на поверхности замёрзшие летучие вещества, под ними камень, а ещё ниже — машина, которая меняет гравитационное поле. Буровая колонна в таких условиях станет самой дорогой сломанной иглой в истории.

— Спасибо, Алексей, — ответил Александр. — Никто не предлагал бурить.

— Пока не предлагал. Я предпочитаю предупреждать заранее.

София запустила реконструкцию. На экране постепенно возникли массивные концентрические дуги, соединённые радиальными мостами. Из-за погрешностей измерений целые участки реконструкции оставались пустыми.

— Похоже на город, — сказал Громов.

— На схему города, — уточнила София. — Но улицы не обязательно предназначены для ходьбы. Возможно, это каналы для передачи энергии или опорные элементы.

Вера увеличила один из разрывов кольца.

— Здесь повреждение. Видите? Поле по обе стороны не совпадает по фазе.

— Механический обрыв? — спросил Александр.

— Не могу сказать. Для начала надо определить, что именно считается нормальной фазой.

АРГО вывел последовательность коротких импульсов. Каждые двадцать шесть часов четырнадцать минут станция повторяла цикл самодиагностики, но нынешний запуск нарушил расписание.

— Комплекс начал проверку не по внутренним часам, — заметила София. — Его что-то разбудило.

— Наше прибытие? — спросил Громов.

— Возможный фактор, но не единственный. Внешний узел тоже активен. Мы не знаем, какое событие было причиной, а какое — следствием.

— Прекрасно, — сказал капитан. — Одни приборы показывают временной сдвиг, другие — искажение расстояний. Продолжайте.

* * *

Сарен прислал запись «Пилигрима» с разрешением показать её технической группе. Материал был неполным: несколько фрагментов видеопотока, повреждённая телеметрия и последние слова экипажа.

На экране появилась тесная рубка. Молодой офицер склонился над приборной панелью.

— Дистанция до узла уменьшается. Двигатели на торможении.

— Сверьте инерциальные датчики, — приказал голос капитана за кадром.

— Скорость по инерциальным датчикам почти нулевая. Расстояние всё равно падает.

— Выключить излучатель.

— Выключен.

Следом прозвучал тревожный сигнал.

— Контур удержания нарушен. Переход запрещён,

— прочёл офицер перевод древнего сообщения.

— Тогда почему мы продолжаем сближаться? — спросил другой.

Ответа не последовало. На обзорном экране звёзды вытянулись в тонкие дуги. В последний момент капитан приказал закрыть переборки. Изображение исчезло.

В лаборатории стояла тишина.

— Мы предполагали, что они пытались открыть проход, — сказал Александр.

— А здесь не видно команды на открытие, — заметила София. — Только гравитационный импульс и реакция узла. Возможно, он сам начал перестраивать расстояние.

Вера кивнула.

— Наша прежняя версия была слишком удобной. Мы говорили: «Пилигрим» сделал ошибку, машина наказала его. Но данных на это не хватает.

— Почему вы не показали нам запись сразу? — спросил Громов у Сарена.

Тот ответил не сразу.

— Потому что она напоминает о решении, которое наш Совет предпочёл забыть. И потому что я сам до конца не понимаю, что произошло.

— С этого момента, — сказал Громов, — мы не скрываем технических сведений, связанных с безопасностью. Ни ваши, ни наши. Иначе договор о сотрудничестве не имеет смысла.

— Согласен, — произнёс Сарен.

Вера бросила на него короткий взгляд. По нему Александр понял: согласие командующего ещё предстояло проверить делом.

* * *

В двадцать один час двенадцать минут рост мощности шестой станции прекратился. График вышел на ровное плато.

— Перешла в режим ожидания, — доложил АРГО.

— Это хорошо? — спросил Дмитрий, заглянувший в лабораторию после дежурства.

— Это означает, что она перестала увеличивать мощность, — ответила София. — Не будем приписывать графику чувства.

На экране вспыхнули две строки древнего протокола:

«ОПОРНАЯ СИСТЕМА ШЕСТЬ: СВЯЗЬ ПОДТВЕРЖДЕНА». «ШЕСТАЯ ПЕЧАТЬ: СОСТОЯНИЕ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ».

— Подтверждена связь, а не исправность, — сразу заметил Александр.

— Именно, — сказала Вера. — Иначе мы приняли бы опасный вывод.

АРГО определил, что фазовое расхождение превышает расчётный допуск в сорок семь раз.

— При таком отклонении центральный узел не должен получать разрешение на формирование перехода, — произнесла София.

— Но он продолжает обмениваться данными, — ответила Вера.

— Обмен данными ещё не открытие перехода, — напомнил Александр.

— Верно. И всё же это означает, что одна часть системы функционирует при неисправной другой. Нам нужно выяснить, предусмотрено ли такое состояние проектом.

Из архива шестой станции удалось извлечь дополнительную схему. Шесть планет соединялись с внешним узлом, а за ним уходила тонкая линия, заканчивавшаяся символом, который переводчик не распознал.

Вера попросила увеличить его.

— Я видела этот знак в инженерских преданиях нашего флота. Его называли Последним переходом.

— В преданиях? — переспросил Громов.

— Мы не располагаем подлинным техническим описанием. У нас есть копии копий, составленные поколениями людей, которые не понимали половины терминов.

— И почему он последний? — спросил Дмитрий.

— Может, потому, что дальше не было следующего,

— ответил Александр.

— Или потому, что после него никто не возвращался, — тихо сказала София.

Никто не принял ни одну догадку за факт.

* * *

Поздно ночью Александр вернулся в лабораторию. На экране обзора Надежда медленно поворачивалась к солнцу; вдоль береговой линии светились редкие огни нового поселения. Люди там ремонтировали насосы, спорили о распределении энергии и рассчитывали урожай. Ни один из этих трудов не имел смысла, если древняя сеть однажды разрушит пространство вокруг их нового дома.

— АРГО, почему предохранитель допускает обход?

— спросил он.

— Возможные причины: ремонт, эвакуация, восстановление управления после отказа штатной автоматики. Достоверная причина не установлена.

— Что требуется для обхода?

— Архив указывает на высший уровень доступа. Формат полномочий частично утрачен.

— То есть кто-то может отдать приказ, которого шестая станция не позволит обычному оператору?

— Это вероятная интерпретация. Но подтверждения, что приказ будет исполнен при нынешнем повреждении, нет.

Александр приблизил запись доступа. Одна подпись высшего уровня появилась во внешнем узле в тот самый час, когда делегация Странников прибыла на нейтральную переговорную станцию.

— Совпадение слишком удобное, — сказал он.

— Временное совпадение не устанавливает причинную связь, — ответил АРГО. — Подпись могла быть сформирована автоматикой узла. Она могла также поступить из ранее сохранённого сообщения.

— И всё-таки об этом надо спросить Сарена.

— Согласен.

Новая строка появилась на терминале без запроса:

«ШЕСТАЯ ПЕЧАТЬ ПОВРЕЖДЕНА. ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО БЕЗ НОСИТЕЛЯ ВЫСШЕГО ДОСТУПА».

Александр дважды перечитал сообщение. Древняя машина не просила открыть переход. Она просила восстановить запрет, который когда-то защищал его от открытия.

И всё же оставался вопрос: кто должен прийти на помощь — человек, неизвестная автоматика или тот, кто построил сеть десятки тысяч лет назад?

Воронцов сохранил запись, погасил экран и вышел из лаборатории. За стенами корабля лежала новая галактика, а на её окраине продолжал работать механизм, смысл которого человечество едва начинало понимать.

Глава 7. Мир вечных бурь

На четвёртой планете Элиона негде было высадиться. У неё не было ни материков, ни берегов, ни единого твёрдого участка, где человеческая нога могла бы оставить след. Даже слова «высота» и «глубина» здесь требовали оговорок: верхние облачные слои Бореи постепенно сменялись всё более плотным и горячим газом, и всякий предмет, упавший в её облака, рано или поздно разрушался под действием давления и температуры.

Однако именно там, в толще непрерывно движущегося газа, находилась четвёртая опорная станция Архитекторов.

Александр Воронцов смотрел на изображение планеты в обзорном зале «Одиссея». Светлые облачные полосы опоясывали гигантский шар; между ними извивались тёмно-коричневые полосы бурь. На юге темнел овальный вихрь, настолько огромный, что Земля могла бы уместиться в нём почти целиком.

— Я правильно понимаю, — спросил Дмитрий Соколов, — что вы намерены отправить меня туда, где сама атмосфера пытается раздавить человека?

— Ты останешься над атмосферой, — ответил Александр.

— Так обычно говорят перед тем, как просят спуститься всего-то на сотню километров.

— Мы отправим автоматические зонды.

— Вот их я и поддерживаю. Они храбрые, дисциплинированные и не требуют отпуска.

София Лебедева, не отрываясь от терминала, заметила:

— Зато их пилоты постоянно жалуются.

— Это называется профессиональная осторожность.

— Удивительно, как она сочетается с твоей привычкой садиться без разрешения.

Дмитрий хотел возразить, но капитан Громов вошёл в зал, и разговор оборвался.

— Экспедиция одобрена, — сообщил капитан. — С двумя условиями. Люди не входят в плотные слои атмосферы. И ни одно устройство Архитекторов не активируется без отдельного решения совета.

— А если станция сама решит активироваться? — спросила София.

— Тогда я хочу, чтобы вы оказались как можно дальше от неё.

Громов положил на стол карту. Над Борей уже прошли три разведывательных аппарата «Одиссея», но все они наблюдали планету издалека. Теперь предстояло отправить корабль «Горизонт», оснащённый защитой электроники от мощных магнитных возмущений, и два специальных зонда. Один построили на «Одиссее», другой предоставили Странники.

— Сарен настаивает, чтобы его инженер участвовал в работе, — продолжил Громов.

— Вера Каст? — уточнил Александр.

— Она уже у нас в доке. Судя по тому, что мне доложили, успела забраковать половину вашего оборудования.

— Всего треть, — раздался от дверей женский голос.

Вера вошла с небольшим металлическим чемоданом. За ней следовал худощавый мужчина лет пятидесяти с рассеянным взглядом и папкой расчётов под мышкой.

— Николай Орлов, атмосферная физика, — представился он. — Если вы хотите понять бурю, прежде придётся признать, что мы почти ничего о ней не знаем.

— Хорошее начало для экспедиции, — заметил Дмитрий.

— Зато честное, — ответил Орлов.

Вера поставила чемодан на стол.

— Ваш первый зонд пригоден для измерений. Второй не выдержит сдвиговых нагрузок на глубине ста восьмидесяти километров.

— При расчёте оболочки мы заложили тройной запас прочности, — возразила София.

— По давлению. А разрушится он от скручивания. Я принесла подвеску, которая позволяет внешнему корпусу поворачиваться относительно защищённого блока приборов.

София изучила схему.

— Это решение Странников?

— Старое. Мы применяли его при сборе топлива в атмосферах гигантов.

— Тогда почему не передали раньше?

Вера посмотрела на Громова.

— Потому что ещё вчера мы не знали, собираетесь ли вы делиться с нами результатами.

На несколько секунд все замолчали. Громов первым кивнул.

— Теперь знаете. Но исходные данные получат обе стороны одновременно.

— Договорились.

Вера открыла чемодан. Разговор перешёл к чертежам, креплениям и кабелям, и Александр отметил, что такое сотрудничество гораздо надёжнее громких заявлений о братстве: здесь каждый мог проверить работу другого.

* * *

«Горизонт» покинул док в начале утренней смены по корабельному времени. Для Бореи это слово почти ничего не значило: период вращения верхних облачных слоёв газового гиганта составлял меньше одиннадцати часов, а его облака никогда не знали спокойствия.

Дмитрий вывел корабль на высокую орбиту и развернул нос к планете. Отсюда она казалась почти неподвижной. Только ускоренная съёмка обнаруживала, как тёмные полосы обгоняют светлые, как белые грозовые вершины рождаются и исчезают за минуты.

— Красиво, — сказал Орлов.

— До тех пор, пока смотришь на обзорном экране, — ответил Дмитрий.

Научный отсек напоминал мастерскую после поспешного переезда. По стенам тянулись временные кабели, на столах лежали запасные датчики. Вера проверяла линию связи со вторым зондом, а София пыталась свести к единому формату два несовместимых потока телеметрии.

— У ваших аппаратов время считается от запуска, — сказала София. — У наших — по корабельным меткам. Без общей шкалы мы получим красивые графики, но не сможем сравнить измерения.

— Значит, согласуем общую шкалу, — предложила Вера.

— И кто будет отвечать за синхронизацию?

— Оба корабля — каждый по собственным часам, с взаимной сверкой.

София подняла глаза.

— Мне нравится, как вы не доверяете никому, включая себя.

— Это экономит жизни.

Первый зонд отделился почти незаметно и ушёл вниз по пологой траектории. На экране появился тонкий светлый след, затем аппарат исчез в облаках. Приборы последовательно отмечали рост плотности, изменение химического состава и резкие порывы ветра. На отметке ста километров ниже условной границы облаков датчики зафиксировали молнии, растянутые на сотни километров.

— Удивительно, что атмосфера ещё не превратилась в одну сплошную грозу, — пробормотал Александр.

— Она и есть одна сплошная гроза, — ответил Орлов. — Просто разные её части спорят между собой.

На отметке двухсот десяти километров ниже той же условной границы показания изменились.

— Интенсивность турбулентности снижается, — сообщил АРГО. — На границе области наблюдается резкий скачок плотности. Форма границы близка к цилиндрической.

Орлов наклонился к экрану.

— Не может быть. Снаружи преобладают горизонтальные потоки, а внутри образуется вертикальный канал.

— Естественное явление? — спросил Александр.

— Я не знаю ни одного механизма, который удерживал бы такую границу при подобных скоростях.

— Тогда попробуем посмотреть, что внутри.

Первый зонд приблизился к каналу, но его корпус уже перегревался. Орлов требовал продолжить измерения, Вера возражала: до разрушения оставались минуты.

— Возвращать его всё равно некуда, — сказал Орлов.

— Данные можно потерять за секунду до гибели, — парировала Вера. — Переведите передатчик на максимальную допустимую мощность и отведите аппарат вдоль границы. Пусть хотя бы запишет профиль.

Александр согласился. Через семь минут связь оборвалась, но почти все измерения успели поступить на «Горизонт».

Второй зонд, оснащённый подвеской Странников, входил в атмосферу позже и медленнее. Его оболочка выдержала первый удар ветра, затем второй. Под защитным экраном мерцала схема силовых нагрузок. Вера молчала, лишь иногда поправляла настройки.

— Неужели вы не волнуетесь? — спросил Дмитрий по внутренней связи.

— Волнуюсь, — ответила она. — Но аппарату от этого легче не станет.

Когда зонд достиг границы канала, произошло неожиданное. Его датчики показали, что скорость газа относительно аппарата стала неожиданно малой. Он будто попал в гигантскую воздушную трубу, внутри которой внешние потоки почти не нарушали движение газа.

И тогда камера увидела сооружение.

Оно возникло сперва как тень за туманом: круг, пересечённый прямыми линиями. Потом стали различимы концентрические кольца и вертикальные фермы. Весь комплекс удерживался среди плотных облаков без каких-либо видимых опор. Его диаметр достигал двенадцати километров. От центральной оси расходились широкие дуги, исчезавшие в газовой мгле.

— Это невозможно, — выдохнул Орлов.

— Невозможно для нас, — поправила София.

Александр смотрел на экран, стараясь представить не только размеры машины, но и труд её создателей. Кто построил эту громадину? Какими кораблями доставляли детали? Как удерживали их среди давления и ветра? Земные инженеры гордились мостами, пересекавшими проливы; здесь кто-то соорудил мост между слоями атмосферы, которые никогда не переставали двигаться.

— Она вращается, — сказала Вера.

Кольца действительно поворачивались с разной скоростью. Внешнее совершало оборот почти за час, внутреннее — за считаные минуты. На поверхности колец виднелись потемневшие участки, а одна из ферм была заметно искривлена.

— Повреждение, — определила София. — Не похоже на нормальную конфигурацию.

— Если это стабилизатор, — начал Орлов, — он должен перераспределять импульс газа, иначе его давно унесло бы.

— Или он не борется с вихрем, а создаёт его, — возразил Александр.

Вера увеличила спектральную диаграмму.

— Возможно, оба утверждения верны. Станция отбирает энергию у потоков, удерживает канал и передаёт часть мощности куда-то ещё.

— В пространственную сеть?

— Это пока гипотеза.

Зонд приблизился ещё на пять километров. Внезапно кольца замедлились, словно машина заметила наблюдателя. По внутренней окружности пробежали световые точки.

— Зарегистрирован ответный сигнал, — сообщил АРГО. — Сигнал адресован исследовательскому аппарату. Содержит последовательность, сходную с диагностическим запросом.

— Ничего не подтверждать, — приказал Александр.

— Только записывать.

— Подтверждения не отправляю.

София нахмурилась.

— Она может принять наше присутствие за запрос обслуживания.

— А если мы ничего не ответим? — спросил Дмитрий.

— Может продолжить обычную работу. Может перейти в защитный режим. Мы ещё не знаем её правил.

Как будто услышав эти слова, станция выпустила короткий энергетический импульс. На схеме зонда вспыхнули предупреждения. Газ в канале ускорился, защитная оболочка начала вибрировать.

— Отводим аппарат, — сказал Александр.

— У внешней границы канала перепад давления вдвое больше, — предупредила Вера.

— Тогда вверх по каналу.

— Там встречный поток, — заметил Орлов.

— Выбирайте, какой из них оставит нам хоть что-нибудь, — вмешался Дмитрий. — У нас меньше минуты.

Вера быстро изменила угол подвески. Зонд развернулся боком к потоку и начал подниматься. На изображении промелькнули кольца, затем тёмная ферма с обрывом на конце. Камера успела снять глубокую борозду на металлической поверхности. Повреждение было старым: края успели покрыться плотным слоем осадков.

— Сохраните кадр, — попросила София.

— Сохраняю весь поток, — ответил АРГО.

Через сорок секунд связь оборвалась. Последний пакет содержал показания температуры и последовательность символов, которую пока не удалось расшифровать.

— Мы потеряли его, — сказала Вера.

— Зато узнали, что станция не совсем мертва, — заметил Александр.

— И что она способна уничтожить наши приборы, даже не пытаясь это сделать, — добавил Орлов.

* * *

Первые часы после потери зонда прошли за проверкой записей. София сравнивала сигналы станции с теми, что были получены на Тенебрисе. Вера строила модель вращающихся колец. Орлов доказывал, что наблюдаемый вихрь не может существовать без постоянного подвода энергии, а Александр пытался понять, что именно они вправе назвать открытием.

— Мы видели машину, — сказал он. — Но не знаем, что она делает.

— Мы знаем, что она поддерживает канал, — возразил Орлов.

— Или канал поддерживает её, — заметила София.

— Причина и следствие ещё не установлены.

Вера показала график.

— Посмотрите на изменения магнитного поля в момент импульса. Они совпадают с частотами, которые мы регистрировали у шестой печати. Не полностью, но достаточно близко, чтобы предположить общий протокол.

— Значит, четвёртая станция участвует в удержании сети, — сказал Александр.

— Скорее всего. Однако степень участия неизвестна. Повреждённая станция может выполнять только часть задач.

В этот момент АРГО вывел на экран новую строку.

«ОПОРНАЯ СИСТЕМА ЧЕТЫРЕ. ЧАСТИЧНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ. СТАБИЛИЗАЦИЯ НАРУШЕНА. ТРЕБУЕТСЯ ОБСЛУЖИВАНИЕ».

— Откуда сообщение? — спросила София.

— Из последнего пакета телеметрии. Его фрагменты были переданы с задержкой и восстановлены по избыточным блокам.

— То есть станция не разговаривает с нами сейчас?

— Подтверждения текущего канала связи нет.

Александр вздохнул. Он уже представил, как совет потребует немедленно чинить механизм, который человечество даже не умело выключать.

— Добавь это пояснение к сообщению, АРГО. Крупными буквами.

— Исполнено.

С борта «Одиссея» поступил вызов. На экране появился Громов, рядом с ним стоял Виктор Сарен. Командующий Странников выглядел усталым; под глазами залегли тени.

— Вы обнаружили четвёртую станцию? — спросил он без приветствия.

— Да, — ответил Александр. — Она повреждена. Откуда вы знаете, что искать нужно именно здесь?

Сарен некоторое время молчал.

— В архивах нашего флота есть упоминание Бореи. Тридцать один год назад корабль «Пилигрим» проводил измерения в этой части системы.

— Вы говорили, что ваши люди никогда не входили в Элион, — резко заметил Громов.

— Я говорил, что нынешний флот не проводил здесь экспедиций.

— Это разные вещи, — сказал капитан.

— Да. И мне следовало объяснить разницу раньше.

Александр взглянул на Софию. Та уже открыла журнал связи, чтобы сохранить разговор целиком.

— Что случилось с «Пилигримом»? — спросил он.

— Корабль исчез после серии измерений, связанных с четвёртой опорой. Последний сигнал был коротким. Экипаж сообщил о нарушении хода бортовых часов и запросил прекращение эксперимента.

— Какого эксперимента?

Сарен отвёл глаза.

— Я пока не готов обсуждать подробности по открытому каналу.

— Тогда подготовьтесь к закрытому, — ответил Громов. — До тех пор ни один ваш корабль не приблизится к станции без нашего согласования.

— Вы не можете запретить нам полёты в системе.

— Не могу. Но могу прекратить обмен данными, если вы намерены скрывать угрозу, которой подвергаете обе стороны.

Сарен сжал губы.

— Я передам вам технические журналы. Те, что сохранились.

Связь завершилась. Дмитрий негромко присвистнул.

— Кажется, у наших новых друзей есть целый склад старых секретов.

— И один из них связан с машиной, под которой мы только что потеряли зонд, — сказал Александр.

— Значит, возвращаемся? — спросил пилот.

Александр посмотрел на Борею. Вихрь всё так же медленно вращался в южном полушарии, словно ничего не произошло.

— Пока нет. Сначала проведём ещё один пассивный проход. Без зондов, без ответных сигналов. Если эта станция что-то меняет, мы должны увидеть это до отлёта.

* * *

Они остались ещё на три часа. «Горизонт» прошёл над тёмным вихрем дважды, сохраняя расстояние и переведя научные передатчики в режим молчания и оставив дежурную связь. Орлов сравнивал инфракрасные изображения, София следила за колебаниями магнитосферы. Вера построила модель энергетического баланса, но она упорно не сходилась: в расчётах оставался необъяснённый отток энергии.

— Не может же она просто пропадать, — сказал Орлов.

— Не может, — согласилась Вера. — Значит, мы не учли канал передачи.

— В пространство? — предположил Александр.

— Или в устройство, скрытое глубже. Пока не выбирайте самое красивое объяснение.

Дмитрий, до этого молчавший, внезапно подался вперёд.

— Посмотрите на южную границу вихря. Там что-то светится.

На фоне облаков возникла тонкая окружность. Она не была похожа на молнию: свет шёл равномерно, словно по огромному невидимому ободу. Кольцо продержалось девятнадцать секунд и исчезло.

— Оптическая иллюзия? — спросил Орлов.

— Три независимые камеры видели одно и то же, — ответил АРГО. — Зафиксировано синхронное изменение магнитного поля.

— Значит, машина включила какой-то режим, — сказала София.

— Не обязательно включила, — поправила Вера. — Возможно, мы увидели штатный цикл, который она выполняет уже тысячи лет.

Александр отметил время. Окружность возникла спустя несколько минут после того, как приборы зафиксировали короткий направленный импульс в сторону внешней границы системы.

— Куда ушёл запрос? — спросил он.

— Точное направление определить трудно, — ответил АРГО. — Однако оно приблизительно совпадает с направлением на предполагаемый седьмой узел.

София выключила проекцию.

— Вот теперь нам действительно пора домой.

— Ты первая предлагаешь прекратить исследование? — удивился Дмитрий.

— Я предлагаю вернуться с данными, пока мы ещё можем их изучить. Это разные вещи.

На обратном пути Александр почти не разговаривал. Перед ним снова и снова возникало изображение двенадцатикилометровых колец, висевших среди вечного урагана. Люди привыкли считать свои машины вершиной разумного труда. Но в этом мире существовала техника, которая продолжала исполнять приказ спустя эпохи после исчезновения создателей. И приказ этот, по-видимому, был важнее любых путешествий.

* * *

На «Одиссее» их встретили не торжественно, а деловито. Инженеры забрали записи, медики провели обязательный осмотр экипажа после полёта в зоне магнитных возмущений, а Громов собрал совещание в небольшом зале без иллюминаторов.

Сарен присутствовал по защищённой связи. Вера села напротив его изображения, будто хотела показать, что в этом разговоре представляет прежде всего факты, а не командующего.

— Станция работает, — начала она. — Но повреждена. Она поддерживает устойчивый атмосферный канал и, вероятно, передаёт энергию в сеть. Насколько критична неисправность, мы пока не знаем.

— И вы не пытались её ремонтировать? — спросил один из членов совета.

— Не пытались, — ответил Александр. — У нас нет ни чертежей, ни понимания последовательности операций. Ремонт без этих сведений был бы экспериментом над всей системой.

Громов перевёл взгляд на Сарена.

— Теперь о «Пилигриме».

— Я предоставлю архивы, — сказал тот. — Но прошу учесть: они неполные, и часть показаний противоречит друг другу.

— Нас интересуют именно противоречия, — заметила София. — Иногда они показывают, что приборы измеряли не одно и то же время.

Сарен не ответил. Эта пауза сказала Александру больше, чем подготовленная речь.

АРГО вывел на экран сопоставление сигналов четвёртой и шестой станций. Общая структура была видна даже неспециалисту: шесть линий сходились к одной точке за пределами планетных орбит.

— У нас есть предварительная интерпретация, — сообщил искусственный интеллект. — Опорные станции не только обеспечивают перемещение. Их синхронизация ограничивает состояние центрального перехода.

— Ограничивает что именно? — спросил Громов.

— Возможность самопроизвольного открытия. Данные недостаточны для определения природы объекта или области за переходом.

— Значит, сеть — это не просто дорога, — тихо произнёс Александр.

— Дороги иногда строят не для того, чтобы по ним ходили, — ответила София. — Иногда ими перекрывают путь.

АРГО вывел ещё одну строку, восстановленную из фрагментов передачи четвёртой станции:

«СИСТЕМА УДЕРЖАНИЯ ОСЛАБЛЕНА. ТРЕБУЕТСЯ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВСЕХ ШЕСТИ ОПОР. ПРИ НАРУШЕНИИ БАЛАНСА ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД МОЖЕТ ОТКРЫТЬСЯ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ».

— Перевод достоверен? — спросил Громов.

— Смысл ключевых предупреждений подтверждается повторяющимися символами, — ответил АРГО. — Технические термины остаются приблизительными.

Капитан долго смотрел на схему.

— Мы думали, что нашли древний транспортный механизм, — сказал он наконец. — А нашли устройство, которое не даёт чему-то открыться.

— И оно ломается, — добавила Вера.

Никто не возразил.

После совещания Александр вышел к обзорному окну. Вдалеке светилась Надежда. Там люди строили дома, спорили о дорогах, выращивали первые урожаи и верили, что самые страшные испытания остались позади. Он не собирался отнимать у них эту веру прежде, чем появятся доказательства настоящей угрозы. Но и скрывать открытия бесконечно было нельзя.

Елена связалась с ним с поверхности.

— Ты вернулся?

— Да. Без потерь среди людей. Один зонд не пережил знакомства с местной погодой.

— А ты?

— Я пока пережил.

— Не слишком убедительно.

Он улыбнулся.

— Там есть машина размером с город. Она висит в атмосфере газового гиганта и работает неизвестно сколько тысяч лет.

— И что она делает?

— Похоже, удерживает закрытой дверь, которую никто из нас ещё не видел.

Елена помолчала.

— Тогда, наверное, стоит выяснить, почему её закрыли, прежде чем искать ручку.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Связь погасла. Александр остался у окна ещё на минуту. За стеклом не было слышно ни ветра, ни грома. Но теперь он знал, что на четвёртом мире непрерывно бушует буря, а в её сердце древняя машина терпеливо сопротивляется силам, которых люди пока не умеют даже назвать.

И где-то за орбитами шести планет, возможно, уже принимал её сигналы седьмой узел.

Глава 8. Под ледяным океаном

На обзорном экране «Одиссея» пятая планета Элиона казалась спокойной. Голубоватый шар, исчерченный белыми прожилками, медленно поворачивался под светом далёкого солнца. Ни бурь Бореи, ни огненных облаков Пироса. Только лёд, молчание и ровный свет.

— Самая обманчивая планета из всех, что мы видели, — сказал Александр Воронцов.

Геолог Алексей Руденко, стоявший рядом, поправил очки.

— Почему обманчивая? Лёд здесь настоящий. И толщина его измеряется километрами. А под ним — вода, солёная, вероятно, насыщенная минеральными примесями. На Земле я отдал бы десять лет жизни за возможность опустить туда прибор.

— На Земле ты мог бы потратить на это десять лет,

— заметил Дмитрий Соколов. — Здесь я бы не советовал рассчитывать даже на десять минут без обогрева.

На экране возникла модель внутреннего строения Нереи. Толщина ледяной оболочки менялась от трёх до девяти километров. Под ней простирался океан, не знавший солнечного света. Его поддерживали в жидком состоянии тепло недр и приливные деформации, вызванные двумя небольшими спутниками.

Но геологические исследования были лишь частью задачи. По данным гравиметрии и низкочастотного зондирования под ледяной оболочкой угадывалась система поверхностей необычайно правильной формы. Данные повторились при трёх независимых пролётах.

— Сорок километров в поперечнике, — произнесла София Лебедева. — Если наши расчёты верны, это пятая опорная станция.

— А если неверны? — спросил Громов.

— Тогда мы обнаружили чрезвычайно вежливую природную аномалию. Отражённый сигнал приходит с задержкой, которую предсказывает наша модель станции Архитекторов.

Капитан не улыбнулся.

— После Бореи вы уже знаете, что четвёртая станция поддерживает полевую устойчивость. И что шесть опор удерживают внешний переход закрытым. Зачем нам спускаться к пятой?

— Чтобы выяснить, не разваливается ли она тоже, — ответил Александр. — Мы не собираемся её включать. Только осмотр и диагностика.

— Эти слова я слышал перед каждой вашей экспедицией.

— И каждый раз возвращался.

— Список ваших доводов становится всё короче, Воронцов.

Громов выключил изображение планеты.

— На поверхность отправятся только экспедиционная и буровая группы. В океан — только автоматы. Никаких управляющих команд и попыток открыть древние двери. Если увидите пространственную активность, уходите немедленно. И ещё: Вера Каст участвует в работе на равных правах с нашими инженерами. Мне надоело, что мы сначала спорим о допуске, а потом спасаем друг друга чужими инструментами.

— С этим трудно спорить, — признал Александр.

— Тогда постарайтесь хотя бы раз не найти ничего, что угрожает всей системе.

* * *

Подготовка заняла трое суток. Техники не медлили: условия на Нерее требовали тщательной подготовки.

Обычная буровая колонна здесь не годилась: её масса, доставка и необходимость непрерывного извлечения породы превращали работу в предприятие на месяцы. Инженер Марина Белова предложила термический проходчик — вытянутый аппарат с нагревательной головкой,

способный плавить лёд и оставлять за собой узкий канал. По силовому кабелю поступала энергия от поверхностного реактора; отдельная линия служила для передачи данных.

— На схеме всё выглядит убедительно, — сказала Вера, осмотрев схему. — А что будет, когда расплавленная вода замёрзнет позади проходчика?

— Кабель защищён теплоизолирующей оболочкой.

— Оболочка не отменяет физику. Она лишь даёт нам время.

Марина отодвинула планшет.

— Хорошо. Сколько времени?

— Зависит от температуры и примесей. Поэтому предлагаю не возвращать проходчик тем же путём. Пусть он дойдёт до полости, выпустит автономный зонд и останется в скважине. Если канал сомкнётся, потеряем аппарат, но не людей.

— Мне нравится, как легко вы расстаётесь с нашим оборудованием.

— Я легко расстаюсь с оборудованием, когда альтернатива — экипаж.

Вера поставила на стол сферу размером с человеческую голову. На матовой поверхности виднелись три кольца излучателей.

— Акустический ретранслятор. Странники применяли подобные в плотных океанах. Он передаёт данные через воду. Радиосвязь на такой глубине ненадёжна, особенно возле неизвестной станции.

София повернула сферу в руках.

— А если в воде окажется много взвеси?

— Для звука это меньшая проблема, чем для оптики. Но чудес не обещаю: высокие частоты поглотятся, останется медленный канал. Видео будем получать порциями.

— Значит, опять придётся ждать, — вздохнул Дмитрий.

— Вы пилот, — сказала Марина. — Ваша работа и состоит в том, чтобы ждать, пока остальные сделают что-нибудь опасное.

— Это несправедливо. Иногда я ещё сажаю корабль.

Руденко принёс результаты последнего зондирования. Они показали область сравнительно тонкого льда над протяжённой тёплой зоной. Выбор площадки выглядел очевидным, пока геолог не увеличил карту.

— Здесь трещина, — сказал он. — Не сквозная, но подвижная. При очередном приливном напряжении её края сместятся.

— Когда? — спросил Александр.

— Через сорок один час после нашего прибытия. Может быть, раньше. Измерения пока грубые.

— Значит, у нас меньше двух суток.

— У нас есть возможность выбрать другое место, — возразила Вера.

Ближайшая безопасная площадка лежала на двести километров дальше, где лёд был толще. Путь к океану увеличивался почти вдвое.

Александр посмотрел на карту и закрыл первоначальный план.

— Идём туда. Никакая экономия времени не оправдает трещину под реактором.

Громов, получив исправленный маршрут, ответил всего двумя словами:

«Разумное решение».

От капитана это звучало почти как похвала.

* * *

Нерея встретила экспедицию температурой минус сто сорок два градуса и небом, в котором солнце казалось маленьким, слишком далёким, чтобы согреть даже металл.

«Горизонт» сел на ледяную равнину. За посадочными опорами поднялось облако кристаллической пыли и медленно осело. В нескольких километрах тянулись тёмные гряды: огромные пласты льда, когда-то сдавленные друг с другом, словно материки.

— Посадка закончена, — сообщил Дмитрий. — Пейзаж унылый, но площадка превосходная. Надеюсь, местные жители не пожалуются на шум.

— Жителей не обнаружено, — ответил АРГО.

— Я бы предпочёл, чтобы это оставалось правдой.

Снаружи люди двигались медленно, в тяжёлых скафандрах с автономными системами жизнеобеспечения. Каждый инструмент приходилось брать в специальных перчатках, а каждое соединение проверять дважды: материал, привычный к земным температурам, здесь мог расколоться от неосторожного удара.

Марина руководила установкой реактора и проходчика. Вера следила за тепловым контуром, Руденко расставлял датчики деформации льда. Александр помогал с кабельной линией, пока София не вызвала его по связи.

— Ты знаешь, что у тебя за спиной?

Он обернулся. В полукилометре от площадки виднелась тонкая светлая полоса.

— Трещина?

— Старая. Она не расширяется. Но отражает сигнал с задержкой, которой здесь быть не должно.

— Архитекторы?

— Пока только странная физика. Давай не будем приписывать им каждый камень.

— Здесь нет камней.

— Тем более.

В шесть часов по времени экспедиции термическая головка ушла под лёд. Сначала она двигалась быстро, но через несколько сотен метров скорость уменьшилась: в толще попадались слои, насыщенные солями и твёрдыми включениями. Проходчик не столько бурил, сколько медленно прокладывал себе дорогу через переменную среду.

На двенадцатом часу начались неполадки.

— Потребление растёт, — доложила Марина. — А скорость падает. Мы встретили слой с большей теплопроводностью и температурой плавления, чем предполагали.

Руденко изучил спектр отражённого сигнала.

— Прослойка с минеральными включениями. Возможно, след древнего выброса из океана. Толщина может достигать нескольких десятков метров.

— Нагреватель выдержит? — спросил Александр.

— Выдержит, — ответила Вера. — Но если продолжим с прежней мощностью, перегреем кабельную муфту. Снизить подачу на пятнадцать процентов.

— Тогда мы потеряем несколько часов.

— Или потеряем аппарат целиком. Выбирайте.

Марина уменьшила мощность без возражений. Александр отметил это про себя: ещё неделю назад две женщины непременно потратили бы десять минут на выяснение, чьи расчёты вернее. Теперь они работали как единая команда.

Через двадцать шесть часов глубина превысила две тысячи метров. Затем датчики зафиксировали резкое падение сопротивления движению.

— Пустота, — сказала Марина.

— До океана ещё далеко, — возразил Руденко.

— Значит, это не океан.

На экране появилась картина, восстановленная по акустическим измерениям: под проходчиком располагалась полость правильной цилиндрической формы. Её стены уходили за пределы зоны обзора.

— Природная каверна? — спросил Дмитрий по связи с корабля.

— Слишком ровные стенки, — ответил Руденко. — Хотя один только профиль ещё ничего не доказывает.

София приблизила изображение.

— А вот равномерно расположенные выступы на стенах уже доказывают больше.

Проходчик остановили. Из его нижнего отсека вышел небольшой разведывательный зонд с поворотной камерой и микродвигателями. Передавать изображение приходилось через узкий кабель, поэтому первые кадры поступали рывками.

Тёмная стена. Узкая светлая полоса. Рядом — вторая.

Потом камера развернулась, и все увидели тоннель, выложенный гладким чёрным материалом. Он тянулся в обе стороны, настолько ровный, словно его не построили, а вырезали одним движением из толщи планеты.

— Теперь можно сказать «Архитекторы»? — спросил Александр.

— Теперь можно, — ответила София.

* * *

Первое желание — отправить зонд к ближайшему светящемуся проходу — пришлось подавить. Вера настояла на проверке температуры, давления, состава газа и уровня излучения.

— Внутри сохранилась газовая среда, — сказала она.

— Давление очень низкое. И, судя по температуре, полость изолирована от окружающего льда.

— Значит, сооружение ещё работает, — предположил Александр.

— Или его изоляция исключительно хороша. Это разные вещи.

Зонд медленно двинулся по тоннелю. Камера обнаружила ответвления, неподвижные механизмы за прозрачными перегородками и металлические пластины, на которых повторялся знак из шести изогнутых линий. АРГО сравнил его с символами четвёртой станции.

— Степень совпадения высокая, — сообщил искусственный интеллект. — Предположительно обозначение опорной системы.

— Пятой? — спросила София.

— Номер станции пока не установлен.

Через полтора километра тоннель закончился круглой дверью. Шесть углублений на её поверхности образовывали дугу, а в центре мерцала фигура, похожая на волну.

— Не трогать, — немедленно сказал Александр.

— Я ещё ничего не предложила, — возразила София.

— Именно поэтому и говорю заранее.

Зонд обошёл дверь по боковому техническому каналу. Там обнаружился повреждённый участок стены: в трещине блестела вода, а из глубины доносился глухой ритмичный стук.

— Это лёд двигается? — спросил Дмитрий.

Руденко прислушался к записи.

— Нет. Период слишком постоянный. Возможно, насос или теплообменник.

На краю трещины камера увидела крошечный автомат. Он перемещался вдоль повреждения, укладывал в шов светящуюся полоску ремонтного материала и возвращался к началу, чтобы повторить попытку.

— Ремонтная машина, — сказала Марина. — У неё не хватает материала или мощности. Он повторяет одну и ту же операцию.

— И сколько лет? — спросил Александр.

Никто не ответил.

Вера увеличила изображение.

— Обратите внимание: трещина расширяется. Вода просачивается всё быстрее. Если полость разгерметизируется, давление океана разрушит часть внутренних переходов.

— Откуда здесь океан? — спросил Дмитрий. — Мы ещё не достигли его уровня.

— Возможно, канал соединён с нижними слоями, — ответил Руденко. — Вода из подлёдного океана может подниматься по трещинам под давлением. Особенно если сооружение само поддерживает перепад давлений.

София выделила на стене последовательность символов и передала их АРГО. Через несколько минут появился осторожный перевод:

«ТЕПЛОВОЙ КОНТУР. ПРЕВЫШЕНИЕ ДОПУСТИМОЙ НАГРУЗКИ».

— Пятая опора, — сказала она. — И она не в порядке.

— Можно ли помочь? — спросил Александр.

— Можно попытаться понять повреждение. Это пока всё, на что у нас есть разрешение.

* * *

Следующие часы прошли в измерениях. Зонд направили вдоль трещины и опустили через повреждённую шахту ниже уровня полости. Связь стала хуже, изображение рассыпалось на отдельные кадры. Затем в свете прожекторов возникла тёмная вода.

— Мы достигли океана, — объявил Руденко.

Он произнёс это тихо, но Александр понял, сколько лет учёный мечтал о такой минуте. На Земле изучение подлёдных водоёмов требовало сложнейших экспедиций. Здесь, у чужой звезды, они впервые увидели настоящий внеземной океан.

Подводный зонд вышел из шахты. Вода была мутной от минеральной взвеси. На глубине простирались вертикальные сооружения, соединённые кольцевыми мостами. Некоторые башни стояли целыми, другие терялись в обломках. По их стенам медленно двигались голубые огни.

— Это город? — спросил Дмитрий.

— Скорее машинный комплекс, — ответила София.

— Не вижу ни одного помещения, рассчитанного на жизнь.

— Вы уверены, что знаете, как жили Архитекторы?

— Нет. Поэтому и говорю «скорее».

Внизу угадывалось огромное кольцо. АРГО построил его неполную модель: диаметр составлял около сорока километров. Через каждые несколько сотен метров от кольца отходили опоры, уходившие в донные породы.

— Невероятная масса, — произнёс Руденко. — Строителям пришлось бы переместить миллионы тонн материала.

— Или станцию построили ещё до образования ледяного панциря, — заметила Вера.

Эта мысль заставила всех замолчать. Нерея могла быть иной, когда сюда прибыли Архитекторы. Не мёртвым ледяным шаром, а открытым водным миром.

На дисплее зонда вспыхнуло предупреждение. Температура окружающей воды начала расти.

— На два градуса за последние десять минут, — сказала Марина. — Локально, в пределах измеряемого потока.

— Тепло идёт от башни справа, — уточнил Руденко.

— Смотрите на движение взвеси.

Вера вывела данные мощности.

— Источник, вероятно, искусственный. У станции нарушен сброс тепла. Если поток усилится, лёд над комплексом начнёт таять и растрескиваться; это может вызвать смещение крупных участков оболочки.

— Не всей планеты сразу, — возразил геолог. — Но район может потерять устойчивость. А потом мы получим трещины, которые будут расти сотнями километров.

Александр запросил связь с «Одиссеем». Громов вышел на связь через семь минут: корабль находился за горизонтом, и сообщение пришлось передавать через орбитальный ретранслятор.

— Докладывай.

— Пятая станция повреждена. Мы нашли перегретый теплообменный узел. Предлагаем передать только координаты и результаты измерений. Без команд на включение или отключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.